

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра немецкого языкознания

ЧЕРНОБАЕВА
Наталья Васильевна

**Прагматика личных местоимений в немецкоязычном
художественном тексте (на материале произведений С. Цвейга)**

Дипломная работа

Научный руководитель:
кандидат фил. наук, доцент
Котовская С.С.

Допущена к защите

«___»_____2019 г.

Зав. кафедрой немецкого языкознания

кандидат филологических наук, доцент,

_____ С. С. Котовская

Минск, 2019

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕСТОИМЕНЕЙ КАК ЧАСТИ РЕЧИ.....	10
1.1 Местоимения как особый лексико-грамматический класс слов.....	10
1.2 Личные местоимения как разряд.....	12
ГЛАВА 2 ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕНЕЙ.....	15
2.1 Подходы к описанию функций местоимений.....	15
2.2 Функциональная специфика личных местоимений в художественном произведении.....	20
ГЛАВА 3 КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ В НОВЕЛЛАХ С. ЦВЕЙГА.....	24
ГЛАВА 4 ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ЦВЕЙГА.....	31
4.1 Прагматический потенциал личных местоимений в новеллах Стефана Цвейга.....	31
4.1.1 Эмоционально-экспрессивная функция.....	32
4.1.2 Ролевая функция.....	38
4.1.3 Функция объективизации.....	40
4.1.4 Функция отождествления.....	42
4.2 Многофункциональность личных местоимений в новеллах С. Цвейга.....	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	50
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	53
СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ.....	56
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	57

РЕФЕРАТ ДИПЛОМНОЙ РАБОТЫ

Количество страниц дипломной работы – 65

Количество диаграмм – 11, количество приложений – 1

Общее количество использованных источников – 36

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ: МЕСТОИМЕНИЕ, ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ, ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕНИЙ, ПРАГМАТИКА, МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ

Объект исследования — система личных местоимений в художественном произведении.

Предмет исследования — особенности функционирования данного грамматического класса слов немецкого языка в новеллах С. Цвейга.

Цель данного исследования состоит в выявлении прагматических особенностей личных местоимений в немецкоязычных художественных произведениях.

В качестве материала исследования послужили контексты из новелл австрийского писателя Стефана Цвейга: «Письмо незнакомки», «Страх», «Гувернантка», «Любовь Эрики Эвальд».

При анализе языкового материала использовалась комплексная методика, включающая метод сплошной выборки, статистический метод, интерпретацию и лингвистический анализ полученных данных. Основным методом исследования выступает описательно-аналитический.

Новизна работы заключается в выявлении многофункциональности личных местоимений в новеллах Стефана Цвейга, зависимости их прагматических функций от замысла автора. Полученные результаты позволяют говорить о возможности применения результатов исследования в переводческой деятельности, при изучении грамматики и стилистики немецкого языка, прагматики, в специализированных курсах по переводу и анализу художественных текстов.

РЭФЕРАТ ДЫПЛОМНАЙ РАБОТЫ

Колькасць старонак дыпломнай работы – 65

Колькасць дыяграм – 11, колькасць дадаткаў – 1

Агульная колькасць выкарыстаных бібліяграфічных крыніц – 36

КЛЮЧАВЫЯ ПАНЯЦЦІ: ЗАЙМЕННІК, АСАБІСТЫ ЗАЙМЕННІК, ФУНКЦЫІ ЗАЙМЕННІКА, ПРАГМАТЫКА, ШМАТФУНКЦЫЯНАЛЬНАСЦЬ.

Аб'ектам даследавання з'яўляецца сістэма асабістых займеннікаў у мастацкім творы.

Прадметам даследавання з'яўляюцца асаблівасці функцыянавання дадзенага граматычнага класа слоў нямецкай мовы ў навілах С. Цвейга.

Мэтай работы з'яўляецца выяўленне прагматычных асаблівасцяў асабістых займеннікаў у нямецкамоўных мастацкіх творах.

Матэрыялам даследавання паслужылі кантэксты, вылучаныя метадам суцэльнай выбаркі з навіл Стэфана Цвейга.

У працэсе аналізу выкарыстоўвалася комплексная методыка, якая ўключае метады суцэльнай выбаркі, статыстычны метады, інтэрпрэтацыю і лінгвістычны аналіз атрыманых дадзеных. Асноўным метадам даследавання выступае апісальна-аналітычны.

Навізна працы складаецца ў выяўленні шматфункцыянальнасці асабістых займеннікаў ў навілах Стэфана Цвейга, залежнасці іх прагматычных функцый ад задумкі аўтара. Атрыманыя дадзеныя і вынікі могуць выкарыстоўвацца ў перакладчыцкай дзейнасці, пры вывучэнні граматыкі і стылістыкі нямецкай мовы, прагматыкі, у спецыялізаваных курсах па перакладу і аналізу мастацкіх тэкстаў.

REFERAT DER DIPLOMARBEIT

Zahl der Seiten – 65

Zahl der Diagramme – 11, Zahl der Anhänge – 1

Gesamtzahl der verwendeten Quellen – 36

**SCHLÜSSELBEGRIFFE: PRONOMEN, PERSONALPRONOMEN,
FUNKTIONEN DER PRONOMEN, PRAGMATIK,
MULTIFUNKTIONALITÄT**

Das Forschungsobjekt ist das System der Personalpronomen im schögeistigen Werk.

Der Forschungsgegenstand sind die funktionalen Besonderheiten dieser grammatischen Klasse der deutschen Sprache in den Novellen von Stefan Zweig.

Das Ziel dieser Forschung ist es, die pragmatischen Merkmale von Personalpronomen in deutschsprachigen literarischen Werken festzustellen.

Als das Material für die Forschung wurden 120 Kontexte aus 4 Novellen des österreichischen Schriftstellers Stefan Zweig verwendet: "Brief einer Unbekannten", "Angst", "Die Gouvernante", "Die Liebe von Erika Ewald".

Die wichtigsten Forschungsmethoden sind die Stichprobenmethode, beschreibendes Verfahren und statistische Auswertungsmethode. Die Neuheit der Arbeit besteht darin, dass die Multifunktionalität von Personalpronomen in den Novellen von Stefan Zweig und die Abhängigkeit ihrer pragmatischen Funktionen von der Absicht des Schriftstellers festgestellt wurden. Die erzielten Ergebnisse können bei dem Übersetzen, beim Erlernen der Grammatik und der Stilistik der deutschen Sprache, der Pragmatik, an den Seminaren zur Übersetzung und Analyse von literarischen Texten ihre Anwendung finden.

ВВЕДЕНИЕ

Довольно часто в речи используются существительные, которые служат для номинации объектов действительности. Однако существуют ситуации, в которых во избежание речевых ошибок используются местоимения. Местоимение можно справедливо назвать одной из самых неоднозначных и неопределенных лексико-грамматических категорий, которая вызывает интерес у исследователей на протяжении долгих лет. Опыт исследования местоимений как класса в лингвистической науке обширен. Свой вклад в описание данной категории внесли, в том числе, такие известные ученые, как В. П. Берков, Т. П. Вязовик, В. В. Виноградов и др.

В виду того, что местоимения способны замещать разную по объему информацию и могут иметь разную стилистическую окраску, их можно встретить в текстах всех функциональных стилей. По этой причине местоимения обладают широким кругом функций и задач.

Местоимения представляют большой интерес для языковедов как универсальная категория. Они примечательны своей грамматической неоднородностью: так, местоимения способны замещать имена существительные, прилагательные и числительные. Местоимения занимают важнейшее место в структурной сетке языка и играют главную роль при обмене информацией.

Местоимения не зря называются «(в)местоимениями»: семантика у них отсутствует. Но такое неимение значения компенсируется различными прагматическими оттенками. Прагматика является одной из составляющих содержания знака. Наибольший интерес с точки зрения прагматики представляют разряды личных местоимений. Прагматическая функция личных местоимений, т.е. их выразительный потенциал в контексте, их способность выражать экспрессивно-оценочные отношения, а также типы эмоций, определяется относительным характером семантики местоимений и влиянием контекста.

Отношения между знаками, в данном случае личными местоимениями, и теми, кто их использует, в данном исследовании будут рассматриваться в новеллах Стефана Цвейга. Писатель является хорошим знатоком людей. Однажды он сказал: «Моя цель – не стать крупным критиком или литературной знаменитостью, а стать моральным авторитетом». В своих новеллах для передачи внутреннего состояния героя Стефан Цвейг часто прибегает к использованию различных приемов психологизма. Больше всего он использует приём повествования от первого и третьего лица, а также внутренний монолог, в котором местоимения играют одну из ведущих ролей.

Актуальность данного исследования обусловлена повышенным интересом лингвистов к коммуникативно-прагматической специфике личных местоимений, а также большим количеством нерешенных вопросов в этом направлении.

Объект исследования — система личных местоимений в художественном произведении.

Предмет исследования — особенности функционирования данного грамматического класса слов немецкого языка в новеллах С. Цвейга.

Цель данного исследования состоит в выявлении прагматических особенностей личных местоимений в немецкоязычных художественных произведениях.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования решались следующие практические **задачи**:

- рассмотреть основные вопросы, касающиеся местоимения как части речи и личных местоимений как разряда;
- рассмотреть различные подходы к классификации функций личных местоимений;
- провести количественный анализ личных местоимений экспериментальной выборки, обосновать их количество в определенных новеллах;

- проанализировать корпус фактического материала с точки зрения прагматических функций, которые выполняют личные местоимения в новеллах Стефана Цвейга и рассмотреть аспекты, обуславливающие их употребление в данных функциях.

При анализе языкового материала использовалась комплексная **методика**, включающая метод сплошной выборки, статистический метод, интерпретацию и лингвистический анализ полученных данных. Основным методом исследования выступает описательно-аналитический.

Источником практического материала выступили 4 новеллы австрийского писателя Стефана Цвейга: «Письмо незнакомки», «Страх», «Гувернантка», «Любовь Эрики Эвальд»

Материалом анализа послужила выборка в количестве 120 экспериментальных контекстов с местоимениями.

Теоретическая ценность работы состоит в описании прагматических функций личных местоимений в рамках художественного текста в немецком языке, что может способствовать дальнейшему изучению особенностей функционирования личных местоимений в языке и речи, а также решению литературоведческих задач, связанных с раскрытием авторского замысла, определением индивидуального стиля писателя и т.п.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использовать материалы и результаты исследования в практическом изучении немецкого языка (таких его аспектов, как грамматика, стилистика, прагматика), а также в курсе перевода.

Структура исследования определяется целью и задачами и представлена введением, четырьмя главами, заключением и списком использованных источников.

Во *введении* обосновывается актуальность исследования, формулируются его цель и задачи.

Первая глава посвящена теоретическим основам изучения местоимений и их функциям.

Во *второй главе* рассматриваются значения и функции личных местоимений.

В *третьей главе* проводится количественный анализ личных местоимений в новеллах Стефана Цвейга.

В *четвертой* проводится лингвистический анализ личных местоимений: выявляются и далее описываются основные прагматические функции личных местоимений в новеллах Стефана Цвейга, показывается их многофункциональность.

Выводы по результатам исследования формулируются в *заключении*.

Результаты исследования прошли апробацию на научной конференции студентов и аспирантов БГУ в 2018 году и отражены в публикации.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ КАК ЧАСТИ РЕЧИ

1.1 Местоимения как особый лексико-грамматический класс слов

В лингвистической литературе уделяется достаточно пристальное внимание рассмотрению местоимений, что связано с их нередким использованием в речи. Местоимения вызывают одновременно бесконечный лингвистический интерес и существенные трудности для ученых. Термин «pronomen» происходит от латинского слова, обозначающего «вместо имени». Однако сущность местоимений значительно обширнее, нежели их функция замены. Г. Павский писал: «Местоимения никак не замещают имён, а служат только лишь указанием на них либо напоминанием об них, вовсе не проявляя качества, вида, числа вещей... только лишь намекают на них» [24, с. 249]. Местоимения рассматриваются как «совокупность слов, касательно статуса которых в языке отсутствует единое мнение» [28].

Исследование литературы согласно предмету исследования, свидетельствует о том, что существуют расхождения среди языковедов по подобным вопросам, как объем класса местоимений и их причисление к самостоятельным либо служебным частям речи.

В своих работах А. Н. Гвоздев отмечал: «Неспособность местоимений к называнию предметов, неимение характерной денотативной отнесенности вне контекста либо речевой ситуации, а также нехватка неситуативного содержания считаются основанием их отнесения к словам без лексического значения, словам, выполняющим только лишь грамматические функции и, таким образом, имеющим отношение к служебным частям речи» [18, с. 21].

Местоимения являются одной из наиболее распространенных частей речи. А. Н. Гвоздев также отмечает, что «местоимения представляют численно небольшую группу слов, но они выполняют в речи исключительно важную

функцию и в связи с этим используются необыкновенно часто: по частоте своего употребления местоимения занимают первое место среди других слов, принадлежащих к отдельным частям речи» [19, с. 282].

При описании местоимений учитывается единый характер их семантики, который выражается в том, что они не называют вещи, а лишь ссылаются на них, т.е. рассматриваются как дейктические единицы.

Н. Н. Волков пишет: «Местоимения относятся к семиологическому классу дейктических слов, основное назначение которых состоит в обеспечении перевода средств языковой системы в план их речевого использования, в единицы актуальной речи» [15, с. 148].

Они играют значительную роль в создании высказываний и имеют субъективную растяжимость своего содержания и данное содержание делает их лексическое значение относительным, всеобщим, будто беспредметным. То обстоятельство, что определенное значение местоимения приобретают только лишь в связной речи, представляет главное отличие местоимений от имен.

Н. Ю. Шведова пишет о классе местоимений, как о «арсенале смысловых абстракций» [34, с. 8]. Это определяет особую роль местоимений в системе других классов слов. А.А. Реформатский, отмечая номинативную способность местоимений, писал, что, хотя они и «существуют для именованного, но именуют уже поименованное как указания на именование, а не как собственно названия» [27, с. 70].

Наибольший интерес в данном исследовании для нас представляют разряды личных местоимений. Личные местоимения — очень своеобразный и непростой в описании класс слов. Именно они являются первой отправной точкой для проявления субъективности в языке и именно их мы рассмотрим в следующем разделе.

1.2 Личные местоимения как разряд

С точки зрения сравнительно-исторического языкознания, проблемам происхождения личных местоимений уделялось отдельное внимание ещё с девятнадцатого века. В особенности, в фундаментальных трудах в области индоевропейского языкознания Ф. Шлегеля, Ф. Бонна, А. Шлейхера. Выдвигаемые ими идеи об истоках индоевропейской системы местоимений имели в основном эмпирическую направленность. Уже более качественный анализ проводился по теме возникновения и развития местоимений 3-го лица в индоевропейских языках. «Вместе с тем во многих трудах по индоевропейской сравнительной морфологии происхождение личных местоимений первых двух лиц никак не акцентируется, последние принимаются как данность, существовавшая на уровне праязыка» [11, с. 119].

Если коснуться вкратце проблемы о первичном происхождении личных местоимений в языке человека, то можно сказать, что личные местоимения возникают в нем относительно поздно – во всяком случае, позднее имен и глаголов. По этой причине формирование личных местоимений относят к достаточно позднему хронологическому уровню развития человеческой речи.

В ходе развития языка личные местоимения, между тем, показывают поразительную устойчивость. Они входят в состав любого списка базовой лексики языка, и по этой причине употребляются при историческом сравнении языков, праязык каковых отстоит от нас более чем на 10 тыс. лет. Такая хронологическая глубина очень усложняет определение источника их происхождения в большинстве языков мира [11, с. 121].

Личное местоимение можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле слова. В узком смысле этого слова, личные местоимения это только местоимения «я», «ты», «мы» и т. д. В широком смысле — это любые местоимения, которые могут изменяться по лицам и для которых характерно указание с ориентацией на говорящего.

В. А. Плунгян отмечает, что «традиционный термин «личные» не вполне удачен по отношению к местоимениям третьего лица. А сам термин «местоимение» плохо пригоден для обозначения локуторов (участников речевого акта)» [25].

Местоимения обычно рассматриваются как слова-заместители в силу этимологии и внутренней формы термина. Личные местоимения не имеют постоянной денотативной корреляции. В качестве знаков особого типа, они могут содержать в себе конкретную информацию.

Личные местоимения не характеризуют объект по присущим ему свойствам, они не имеют постоянной денотативной корреляции. Как знаки особого типа, они несут в себе конкретную информацию: так, местоимение я всегда показывает, что участник ситуации представлен как личность, и эта личность идентична самому говорящему.

Категория лица для личных местоимений в немецком языке считается трехчленной.

Число для местоимений — двойственная и неоднородная категория, что может быть изображено в определениях множественность/немножественность исключительно для местоимений 3-го л., где он, она, оно (немножественность) противопоставлены они (множественность).

Для местоимений 1-го и 2-го л. подобное рассмотрение числа невозможно, а непосредственно термин «множественность» употребим относительно: большое число форм 1-го либо 2-го л. в единственном числе никак не может дать 1-го либо 2-го л. множественного: *ich + ich* не равно *wir*, а *du + du* далеко не *ihr*.

«Категория рода личных местоименных форм в германских языках, в том числе и немецком, можно описать только касательно немаркированного 3-го лица и только в не множественном числе (он, она, оно)» [14 с. 324].

Наиболее значительные отличия между системами местоимений в германских языках относятся к категории падежей. Например, формы родительного падежа легко образуются на немецком языке из абсолютно всех

личных местоимений и зачастую приводятся в учебниках по изучению немецкого языка как иностранного. Тем не менее, это по сути мертвые формы, которые не употребляются с существительными, где возможны только притяжательные местоимения, они попадают буквально с единичными глаголами в архаичных и напыщенных выражениях, какие абсолютно далеки от современного живого языка.

Итак, по своему значению и грамматическим признакам местоимения имеют разряды. Личные местоимения указывают на лицо или предмет, но конкретно их не обозначают.

Описанная специфика личных местоимений позволяет предположить, что они представляют наибольший интерес с точки зрения выполняемых ими функций. Поэтому в следующей главе мы рассмотрим подробнее различные подходы к описанию функций местоимений и их потенциал с точки зрения прагматики.

ГЛАВА 2

ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕНИЙ

2.1 Подходы к описанию функций местоимений

Для современной лингвистики свойственным считается представление о местоимениях как о словах с отвлеченным, обобщенно-указательным, чрезвычайно абстрактным значением. Придерживаясь данной точки зрения, исследователи отмечают сочетание максимально отвлеченного значения местоимений с определенным их значением в речи. Таким образом, А. Н. Гвоздев отмечает: «По своему значению местоимения характеризуются тем, что они совмещают общие значения существующих между предметами и явлениями в реальном мире отношений, наблюдающихся в изменчивых проявлениях, с выражением отдельного проявления, выражаемого ими отношения в том или ином конкретном случае» [19, с. 197].

Многие ученые отмечают, что значение местоимения раскрывается посредством отнесенности с его антецедентом; оно не называет предмет, а выделяет его путем указания. При этом одни исследователи считают, что значение местоимения равно значению предшествующего члена в высказывании, а другие — что «значение местоимения равно значениям, выраженным в антецеденте плюс то дополнительное значение, которое мы находим в местоимении» [20]. В любом случае, местоимение на референтном уровне соответствует определенному объекту.

Как указывает Е. А. Ремизова, «... "туманность значения" местоимения, наличие небольшого или вообще отсутствие у него собственного значения, означает, что местоимение получает свое значение только в определенной ситуации» [26, с. 19].

Свойства, зафиксированные местоимениями (в отличие от прилагательных), не отражают реальные свойства и качества предметов. С одной стороны, местоимения обозначают объекты и явления, т.е. объективно существующую

реальность. С другой стороны, при отражении этой реальности они относятся не напрямую к объектам и явлениям, как существительные, а обозначают относительно. Местоимения характеризуют предметы лишь с точки зрения их отношения к субъекту речи. В каждом случае лицо или предмет, обозначенный местоимением, является реальным, конкретным лицом или предметом.

Как указывает М. И. Стеблин-Каменский: «...значения, выраженные местоимениями, не являются в чистом виде ни лексическими, ни грамматическими. Не обладая способностью к полисемии и вариативности, свойственной лексическому значению, местоимения приближаются по своей абстрактности и однозначности к носителям грамматического значения» [29].

Исследование местоимений неизбежно приводит к рассмотрению такой категории, как дейксис. Принадлежность местоимений к дейктическим элементам языка определяется общим грамматическим значением указания на отношение предметов речи к речевой ситуации, т.е. на ситуативный признак.

По К. Бругману выделяют четыре типа указания:

- «общее указание», нейтральное по расстоянию от говорящего;
- указание на сферу говорящего;
- указание на сферу собеседника;
- указание на нечто, удаленное от говорящего [16, с. 20-21].

Все виды указания ориентированы на сферу говорящего и оцениваются с точки зрения говорящего.

С.А. Крылов выделяет следующие три направления в описании семантики местоимений:

- указательное (дейктическое);
- заместительное (анафорическое);
- референциальное [22].

М. Д. Степанова и Г. Хельбиг определяют местоимения «единственными средствами обозначения, говорящего и адресата – обязательных участников каждой языковой коммуникации» [25, с. 59]. По мнению Г. Бринкманна, «местоимения дополняют группу ролевых слов, которые дают возможность

отнести понятия, выражаемые существительными, к ролям в акте коммуникации» [1].

Немецкий лингвист Р. Харвег в своей работе «Pronomina und Textkonstitution», посвященной роли местоимений в большом контексте, писал, что тексты воспринимаются как связные благодаря механизму субституции. Субституцию он понимал очень широко. В своей работе он демонстрирует употребление «проформ» для повтора ранее упомянутого референта действительности. Автор называет повтор (воспроизводство) референта в рамках текста и использование различных его обозначений (номинаций) субституцией, и именует референта при первичном употреблении Substituendum, а все проформы, замещающие его на протяжении текста, – Substituens [3].

Функции местоимений можно разделить на основные (общие) и специфические (частные). К *общим* Л. Д. Чеснокова относит:

- Грамматическая функция служит для сохранения статуса замещаемой единицы и, помимо этого, служит для согласования частей предложения. Грамматическая функция личного местоимения может быть реализована при его употреблении в качестве номинального подлежащего, так как в немецком литературном языке обязательно присутствие обоих главных членов предложения. В этой функции местоимение замещает наименование лица, объекта или явления, упоминаемого в тексте ранее.
- Коммуникативная функция. Представляет собой процесс общения, обмен сведениями, идеями. Данный аспект определяет социальный и ролевой статус участников общения, устанавливает социально-речевой контакт. К коммуникативным функциям мы можем отнести такое специфическое проявление употребления личных местоимений как вежливая форма, которая служит для проявления уважения к собеседнику или подчеркивания его статуса в процессе коммуникации. Функция позволяет четко разделить все типы коммуникации на две группы: интимные и личные, с одной стороны, и официальные – с другой [33].

- Дейктические местоимения отсылают к участникам акта речи или речевой ситуации. К дейктическим местоимениям относятся два референциально-семантических разряда: первого и второго лица и указательные местоимения [15, с. 133]. В значение личных местоимений входит обращение к речевой ситуации, т.е. либо к акту речи, либо к продукту речи, тексту. Ряд исследователей подразделяют личные местоимения на два типа: местоимения первого типа (я, ты) и местоимения второго типа (он, она, оно). У местоимений первого типа в состав значений входит отсылка к акту речи, а у местоимений второго типа – отсылка к тексту. Значение личных местоимений 1-го и 2-го лица обуславливает их дейктическое функционирование в тексте, где формой передачи речевой ситуации выступает прямая речь. При этом следует отметить, что в ходе диалога 1-е и 2-е лицо могут постоянно меняться ролями, попеременно оказываясь то в роли говорящего, то в роли слушающего [33].

Среди *частных* функций выделяются:

- соединительная;
- вопросительная;
- притяжательная;
- определительная;
- функция выражения взаимных отношений;
- функция указания на отсутствие лица;
- противительная [27].

Помимо общих и специфических функций местоимения выполняют также различные коммуникативно-прагматические функции. В практической части данного исследования мы рассмотрим функциональную специфику личных местоимений, основываясь на классификации Б. Ю. Нормана. Данная классификация будет применена для разрядов личных местоимений, т.к. она представила для нас наибольший интерес. Классификация Б. Ю. Нормана рассматривает специфику личных местоимений с точки зрения прагматики, что

позволяет выявить обусловленность употребления личных местоимений в новеллах С. Цвейга выполняемыми ими функциями.

2.2 Функциональная специфика личных местоимений в художественном произведении

Как уже говорилось, личные местоимения очень своеобразный и непростой в описании класс слов. Личные местоимения — это универсальный класс местоименных слов. От них зависят и другие классы местоимений, разделяющих тот же статус. Сюда можно причислить, указательные местоимения, наречия, прилагательные.

Е. С. Антипина замечает: «Использование местоимений в художественной речи учёные-лингвисты обычно объясняют экстралингвистическими факторами: содержанием, конкретностью повествования, достоверностью описываемых событий, стремлением избежать повторений. В то же время писатели и публицисты <...> употребляют местоимения в качестве источника речевой экспрессии, и в таких случаях они становятся лексическими средствами выразительности речи» [9].

Но возникает вопрос, обладают ли вообще местоимения лексической семантикой и где их следует описывать — в лексике (словаре) или в грамматике.

Грамматика, как наука о правилах и нормах использования языковых единиц, не может все-таки восприниматься как нечто абсолютно противоположное стилистике. Текст — это в первую очередь набор языковых единиц, организованных в соответствии с определенными грамматическими нормами. Из этого следует, что «стилистический анализ текста является скорее логическим продолжением анализа грамматического» [14, с. 25–29].

Стилистика дает возможность оценить роль автора в формировании текста. Она связана с оценкой варианта, выбранного автором из всего многообразия лексических, морфологических и синтаксических средств, которыми располагает язык.

Особое значение авторский выбор средств выражения мысли приобретает в художественном тексте. В языке художественной литературы грамматика

становится уже средством выразительности и воплощает художественный смысл с лексикой.

Поэтому, делая всякий анализ художественных произведений, нужно принимать во внимание не только всю лексику и грамматику, а также и отдельные языковые единицы, как например личные местоимения.

Н. Ю. Шведова утверждает, что «местоимения ничего не называют (не именуют); они означают смыслы, восходящие к глобальным понятиям материального и духовного мира, углубляют, дифференцируют, сопоставляют и сочленяют эти смыслы» [35, с. 8]. Есть три компонента, которые и определяют содержание данного класса слов: дейксис (указание), субституция (замена полнозначного слова) и анафора (отсылка к уже сказанному).

Иногда говорящему важно не столько передать объективную информацию, сколько обозначить свое отношение к собеседнику. Поэтому прагматический компонент играет также важную роль в речи.

Прагматика является одной из составляющих содержания знака. Прагматика от греч. слова *pragma* (действие, дело) — это, во-первых, один из аспектов семиотики, во-вторых, раздел языкознания, изучающий функционирование языковых образований в речи. Б. Ю. Норман пишет, что «прагматика представляет собой часть общей семиотики и даже философии» [23, с. 8], поэтому далее речь пойдет конкретно о лингвистической прагматике.

Лингвопрагматика — одно из сравнительно новых направлений в языкознании. Она занимается изучением поведения языковых знаков в реальных процессах коммуникации. В сферу данной дисциплины входит отношение говорящего и слушающего к предмету речи. Б. Ю. Норман выделяет «две точки зрения на прагматический аспект: позиция говорящего (выбор формы) и позиция слушающего (интерпретация высказывания)» [23, с. 8]. В. Г. Гак писал, что «прагматика касается как интерпретации высказываний, так и выбора их формы в конкретных условиях» [17, с. 54-68].

«Прагмалингвистика охватывает все языковые уровни: это и морфологические явления (формы слова), и синтаксические (модели

предложения, конструкции подчинения и сочинения)», пишет Б. Ю. Норман [23]. И. А. Стернин писал, что прагматический аспект содержания знака оказывается необходимым и очень важным для «эффективного речевого воздействия» [31, с.253–293]. Наибольший интерес для прагмалингвистики представляют разряды личных местоимений. «Личные местоимения расставляют ориентиры, необходимые для совершения речевого акта, обозначают участников прагматической ситуации. <...> 1-е лицо, «я» — это говорящий и всё, что с ним связано, 2-е лицо, «ты» — адресат(слушающий). А 3-е лицо обозначает не участника (во множественном числе — не участников) прагматической ситуации. *Мы* обозначает множественного говорящего или говорящего в сочетании с другими людьми, *вы* — множественного слушающего или слушающего в сочетании с другими людьми» [23, с. 43]. Расстановка этих ориентиров нужна, чтобы было ясно, кому какая роль отводится в коллективе.

Прагматическая функция личных местоимений, т.е. их выразительный потенциал в контексте, их способность выражать экспрессивно-оценочные отношения, а также типы эмоций, определяются относительным характером семантики местоимений и влиянием контекста. Местоимения зависят от контекста и ситуации использования.

Отсутствие семантики местоимений компенсируется различными прагматическими оттенками. В художественной речи использование местоимений лингвисты обычно объясняют экстралингвистическими факторами. Но в то же время, как уже говорилось, писатели употребляют местоимения в качестве источника речевой экспрессии, и в таких случаях они становятся лексическими средствами выразительности речи и выполняют прагматическую функцию.

Б. Ю. Норман в своей книге “Лингвистическая прагматика” выделяет такие основные прагматические функции местоимений, как:

- функция сближения, сплочённости;
- функция объективизации;
- эмоционально-экспрессивная функция;

- императивная функция;
- ролевая функция;
- функция невключения и включения адресата;
- функция отождествления [23].

Функция объективизации реализуется, когда персонаж художественного произведения хочет «объективизировать» свое мнение, чтобы оценка его действий происходила как бы со стороны или, когда он намерен сделать объектом свое «я».

Эмоционально-экспрессивная функция, реализуется в том, что авторы ищут в местоимениях разнообразные источники речевой экспрессии. По преимуществу экспрессивных свойственна первом месте среди местоимений стоят личные местоимения.

Ролевая функция нужна для обозначения ролевого статуса персонажа художественного произведения.

Функция отождествления реализуется тогда, когда главный герой художественного произведения оценивает своё место в мире, когда он причисляет себя к определенной группе, становится ее частью.

Так мы видим, что местоимения – это всё-таки чрезвычайно важный и богатый также и в прагматическом отношении класс слов.

Отношения между знаками и теми, кто их использует мы будем рассматривать в новеллах Стефана Цвейга. Стефан Цвейг является хорошим знатоком людей, оставившим нам свои новеллы в качестве впечатляющих документов того времени, благодаря которым мы получаем представление о его гуманности. Свое повествование он часто сопровождает глубочайшим самоанализом рассказчика. Для этого он ведет его от первого лица, что придает произведению характер исповеди, усиливает впечатление о герое. Представляется, что в создании данного эффекта не последнюю роль играют личные местоимения, что и обуславливает необходимость анализа их специфики в выбранных произведениях.

ГЛАВА 3

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В НОВЕЛЛАХ С. ЦВЕЙГА

В таблице 1 [21] приведена парадигма личных местоимений согласно современной грамматике немецкого языка.

Таблица 1. Перечень личных местоимений

	Nominativ		Dativ		Akkusativ	
	ich	Я	mir	мне	mich	меня
Sing.	du	ты	dir	тебе	dich	тебя
	er	он	ihm	ему	ihn	его
	sie	она	ihr	ей	sie	её
	es	оно	ihm	ему	es	его
	wir	мы	uns	нам	uns	нас
Pl.	ihr	вы	euch	вам	euch	вас
	sie	они	ihnen	им	sie	их
	Sie	Вы	Ihnen	Вам	Sie	Вас

На основании данной таблицы было выявлено общее количество личных местоимений в каждом из исследуемых художественных произведений (см. таблицу 2).

Таблица 2. Частотность употребления личных местоимений в произведениях

С. Цвейга.

№	личное местоимение	общее количество
1.	1 лицо ед. число	1007
2.	2 лицо ед. число	539
3.	3 лицо ед. число	930
4.	1 лицо мн. число	39
5.	2 лицо мн. число	11
6.	3 лицо мн. число	53
7.	вежливая форма	17
8.	всего	2596

Анализ позволил выявить частотность употребления личных местоимений по лицу и числу с учетом их падежных форм. Во всех новеллах было выявлено 2596 случаев использования личных местоимений. Такое большое число местоимений объясняется тем, что они являются основным приемом текстообразования и смыслообразования.

В анализируемых художественных произведениях преобладают личные местоимения 1 и 3 лица единственного числа. Нужно отметить, что количество употребленных местоимений зависит от каждого отдельно взятого произведения, его сюжета и целей автора.

Далее, на рисунках 1-4 приведена частность употребления тех или иных личных местоимений в отдельных текстах.

Во всей нашей выборке наибольшее количество личных местоимений было выявлено именно в произведении «Brief einer Unbekannten» (рис. 1).

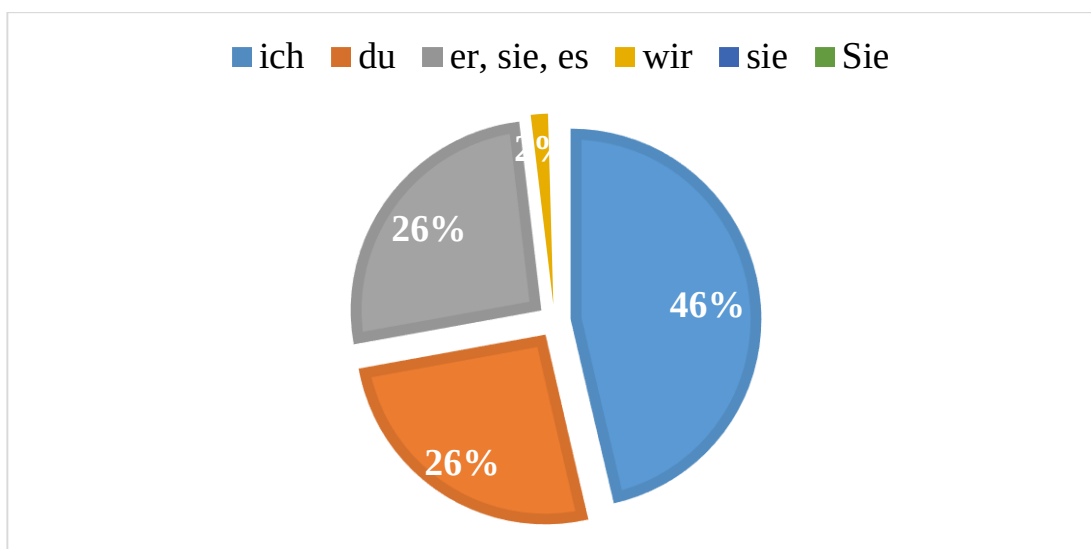

Рисунок 1. Количество личных местоимений в произведении «Brief einer Unbekannten»

Преобладающее большинство в данном художественном тексте принадлежит личным местоимениям 1 лица единственного числа, которые составляют 46% от общей выборки. Личных местоимений 2 лица множественного числа выявлено не было, а личные местоимения 3 лица

множественного числа и вежливая форма составили менее 2% в общей выборке, поэтому не отражены в диаграмме.

В произведении «Письмо незнакомки» автор очень часто использует личное местоимение 1 лица единственного числа, что связано со спецификой повествования. Именно в данной новелле С. Цвейг использует приём повествования от первого лица, а также внутренний монолог, который содержит в себе раскрытие той или иной «жгучей тайны», страсти. «Письмо незнакомки» — это история о женщине, чья любовь выше осуждения, разочарования и одиночества. Повествование от первого лица помогает нам прочувствовать всю боль, что испытывает девушка на протяжении всей новеллы. Незнакомка молчала долгие годы, но лишь на смертном одре она открылась своему возлюбленному, она прощалась с ним навек.

Следует отметить, что частотность употребления личных местоимений 1 лица единственного числа во всем экспериментальном материале связана исключительно с их преобладающим количеством в данном произведении (1044 лексические единицы), в остальных новеллах они распространены незначительно.

Далее рассмотрим процентное соотношение личных местоимений в произведении «Angst» (рис. 2).

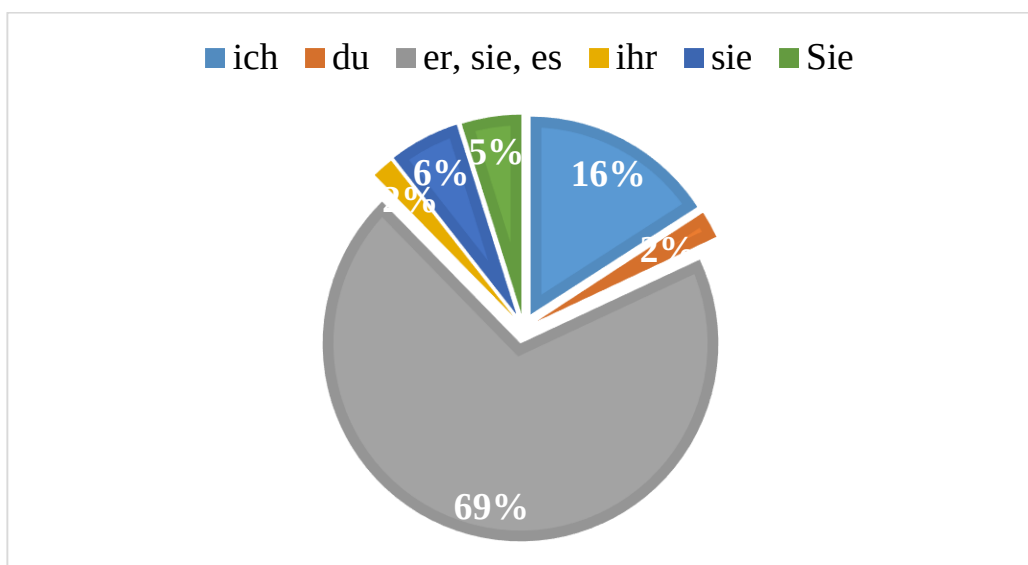

Рисунок 2. Количество личных местоимений в произведении «Angst»

Таким образом, в произведении «Angst» значительно преобладают личные местоимения 3 лица единственного числа, но отсутствуют личные местоимения 1 лица множественного числа.

Частотность личных местоимений 3 лица единственного числа также связана со спецификой замысла произведения. В новелле С. Цвейг очень хорошо расписал эмоциональное состояние девушки Ирены, употребив при этом местоимения 3 лица ед. ч. *sie*, что встречается довольно часто в данной новелле (60%). Автор выступает здесь в качестве наблюдателя, расписывая состояние героини до мельчайших подробностей, со всеми его нюансами, так, что мы, читатели, невольно оказываемся свидетелями ее тайны и ее самого большого страха. Автор не зря употребляет здесь местоимения 3 л. ед. ч. Ведь он мог написать эту новеллу от первого лица, как в «Письме незнакомки». Но «Страх» — это совсем иная история. Да, здесь присутствует страдание главной героини. Но это совсем другое страдание, страдание по ее же вине. Поэтому здесь автор хотел также показать себя в качестве судьи, который разбирал дело супружеской неверности. Тема эта в литературе далеко не нова. Но далеко не каждому автору удастся так тонко и реалистично описать чувства героев, как это сделал Цвейг. Цвейг постепенно, шаг за шагом, погружает нас "в голову" Ирены. Заставляет бояться и переживать вместе с ней.

Интересно, что у автора каждая новелла-исповедь при таком небольшом объеме текста вмещает в себя столько событий, чувств, эмоций. Новеллы проникнуты тонким психологизмом, поражает глубина знания, с которым автор описывает внутренний мир женщины.

Теперь рассмотрим частотность употребления личных местоимений в произведении «Die Liebe der Erika Ewald» (рис. 3).

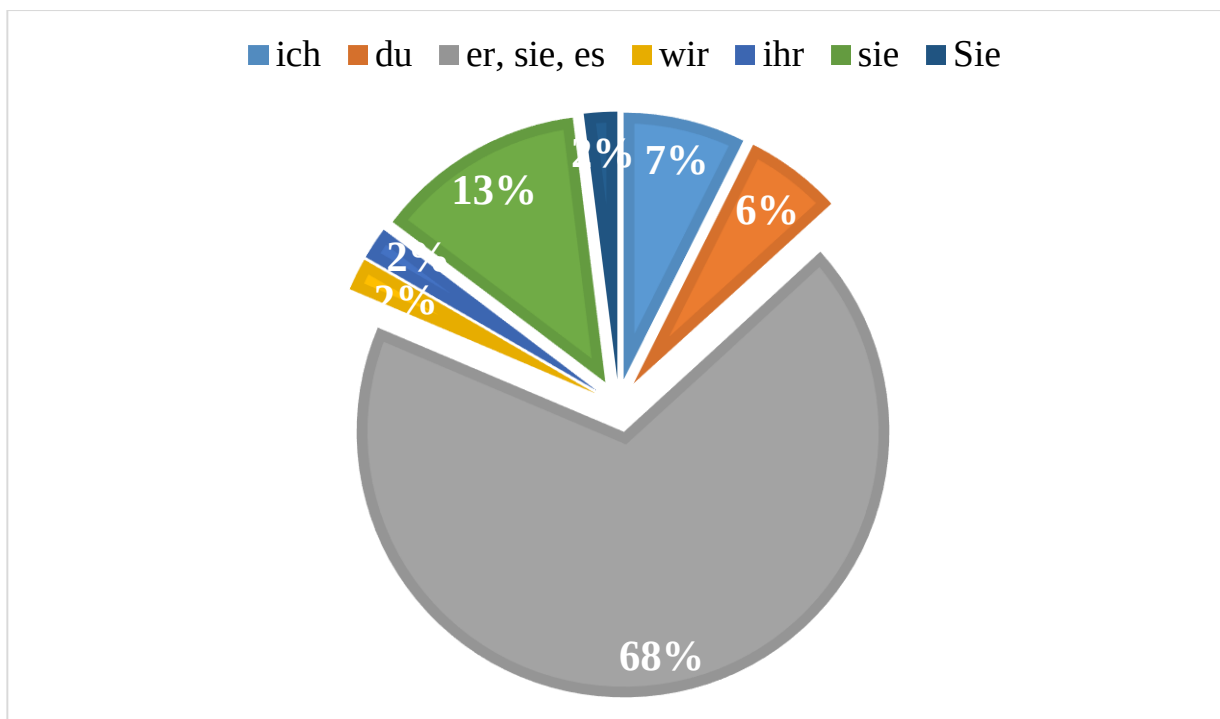

Рисунок 3. Количество личных местоимений в произведении «Die Liebe der Erika Ewald»

Как видно из диаграммы, в произведении «Die Liebe der Erika Ewald» значительно преобладают личные местоимения 3 лица единственного и множественного числа. Здесь автор также является наблюдателем и так же естественно, как и в новелле «Страх», передает чувства главной героини Эрики. Постепенно мы погружаемся в эмоциональное состояние, чувствуем, как меняется поведение, настроение Эрики, как внутри у неё разрастается страх потери любимого. Но автор передает эмоциональное состояние не только Эрики, но и молодого скрипача, ее возлюбленного. Поэтому в данной новелле наряду с местоимениями 3 л. ед. ч. можно также часто встретить и местоимения 3 л. мн. ч. *они*.

Последнее произведение, анализируемое нами в рамках данной работы, это новелла «Die Gouvernante». На рисунке 4 приведено процентное соотношение употребления личных местоимений в данной новелле.

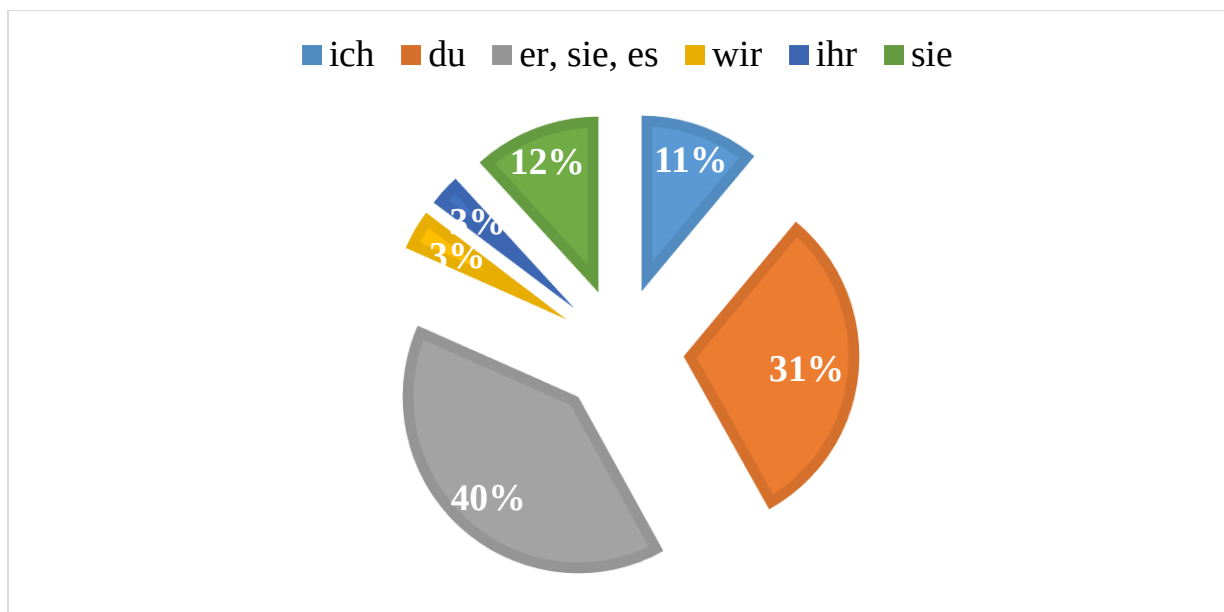

Рисунок 4. Количество личных местоимений в произведении «Die Gouvernante»

Очевидно, что в данной новелле преобладают местоимения 3 лица единственного числа и 2 лица единственного числа, составляющие соответственно 40% и 31% от общего числа выявленных в произведении личных местоимений.

Основу сюжета новеллы «Гувернантка» С. Цвейга составляет особенное мироощущение автора, позволяющее передать душевный настрой и нравственные побуждения маленьких девочек. Мир героинь новеллы «Гувернантка» труден и недоступен для понимания окружающих. Поэтому они держатся друг за друга, чтобы противостоять лжи и притворству. Новелла практически построена на диалогах двух девочек, которые делятся мыслями только между собой, не впуская в свой мир взрослых. Поэтому преобладание местоимения 2 л. ед. ч именно в этой новелле самой собой разумеющееся. После неожиданного ухода любимой фройляйн была разорвана связь с родителями. Этот разрыв связи только говорит о том, что отныне доступ взрослых к душам их детей закрыт надолго.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что количество личных местоимений определенных разрядов в тексте зависит от замысла автора и основной мысли каждого произведения. Анализ показывает, что основную

долю личных местоимений в художественном тексте составляют местоимения 3-го лица единственного числа, но в отдельных произведениях с эгоцентрическим повествованием на первое место выходит местоимение 1-го лица единственного числа.

Следующим этапом исследования стал функциональный анализ личных местоимений в новеллах Стефана Цвейга.

ГЛАВА 4

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ЦВЕЙГА

4.1 Прагматический потенциал личных местоимений в новеллах Стефана Цвейга

Прежде чем приступить к рассмотрению примеров прагматических функций личных местоимений, хотелось бы отметить, что во всех новеллах присутствуют все существующие в немецком языке личные местоимения.

Предпринятый анализ позволил выделить наиболее часто встречающиеся прагматические функции личных местоимений в новеллах Стефана Цвейга:

- эмоционально-экспрессивная функция;
- ролевая функция;
- функция объективизации;
- функция отождествления.

Данная типология позволяет раскрыть коннотативные значения личных местоимений в речи, показывает, что несмотря на отсутствие семантики в данных языковых единицах, по своей роли они порой не уступают номинативным.

В количественном отношении реализацию местоимениями основных прагматических функций можно представить в виде следующей диаграммы (см. рисунок 5):

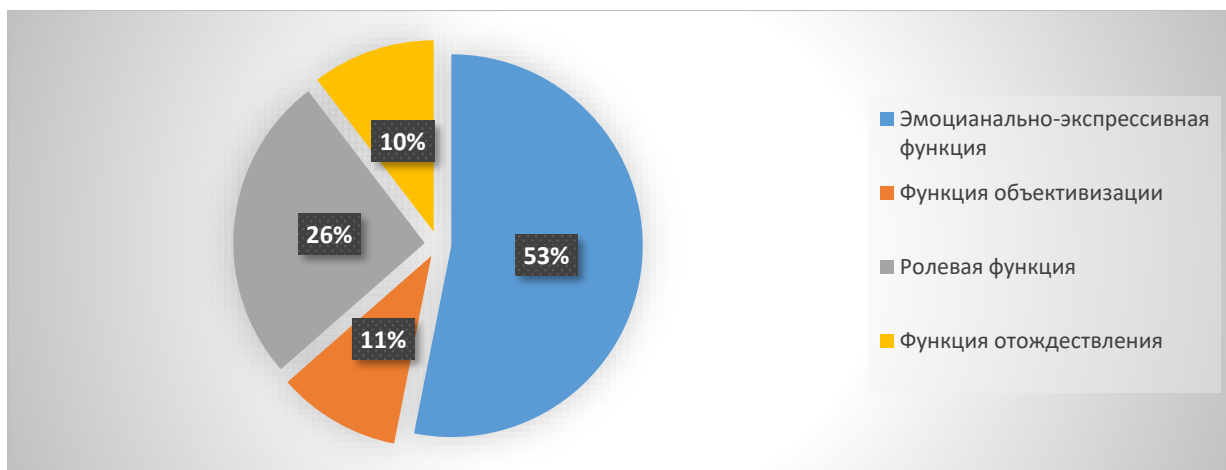

Рисунок 5. Репрезентативность функций местоимений в новеллах

Количественный анализ корпуса фактического материала свидетельствует о доминировании местоимений в эмоционально-экспрессивной функции, что составило 53% от общего количества проанализированных контекстов употребления местоимений. Второй по частотности группой в проанализированной выборке оказалась группа местоимений, реализующих ролевую функцию (26%). Местоимения в функции объективизации составляют 11%. Группа местоимений в функции отождествления включает в себя 10%.

В соответствии с целями нашего исследования рассмотрим более подробно личные местоимения и их основные прагматические функции.

4.1.1 Эмоционально-экспрессивная функция

Доминирующей функцией в корпусе фактического материала выступила эмоционально-экспрессивная функция. К эмоционально-экспрессивной функции личных местоимений можно отнести прагматические оттенки недоверия, презрения или иронии, смущения, удивления, а также отчужденности или холодности, оскорбления.

Примерами функционирования местоимений в эмоционально-экспрессивной функции могут выступить следующие:

*«Nein, **ich** irre mich nicht ... **ich** kenne Sie ... Sie kommen von Eduard, meinem Freund ... Jetzt habe **ich** Sie endlich einmal erwischt, jetzt weiß **ich**, warum er so wenig Zeit für **mich** in der letzten Zeit hat ... Wegen Ihnen also ... Sie gemeine...»[6, с.12]!*

Или как в следующем примере:

*»Was ... was wollen Sie denn von mir? ... **Ich** kenne Sie ja gar nicht ... **Ich** muss fort ... « [6, с. 13]*

В приведённых примерах личное местоимение я используется в качестве лексического повтора, который, в свою очередь, служит для создания экспрессии, передачи состояния внутреннего напряжения главного героя.

В следующей ситуации употребление личного местоимения я является сильным источником экспрессии, поскольку создает «эффект присутствия» читателя в описываемой ситуации:

*«**Ich** wage nicht hinzusehen, **ich** wage nicht mich zu rühren, denn wenn sie flackern, die Kerzen, huschen Schatten über sein Gesicht und den verschlossenen Mund, und es ist dann so, als regten sich seine Züge, und **ich** könnte meinen, er sei nicht tot, er würde wiedererwachen und mit seiner hellen Stimme etwas Kindlich-Zärtliches zu mir sagen. Aber **ich** weiß es, er ist tot, **ich** will nicht hinsehen mehr, um nicht noch einmal zu hoffen, nicht noch einmal enttäuscht zu sein. **Ich** weiß es, **ich** weiß es, mein Kind ist gestern gestorben – jetzt habe **ich** nur Dich mehr auf der Welt, nur Dich...» [7, с.97].*

Здесь автор использует местоимение я неслучайно. Для повествования от первого лица единственного числа характерно: анализ собственных переживаний, наблюдений, рефлексия, интимизация, сближение, которые помогают раскрыть внутренние переживания повествователя. Но в нашем случае это внутренние переживания не самого автора, а незнакомой женщины. Она делится в этом письме с нами всеми своими мыслями и эмоциями.

В целом употребление личного местоимения приводит к субъективации авторского повествования. Подобный стилистический прием широко используют писатели в своих произведениях. Данное местоимение в письме формирует коммуникативный акт таким образом, что главным в нём

становится автор-повествователь и он занимает активную позицию по отношению к другим участникам коммуникации.

Наряду с местоимением *я* часто употребляется и местоимение **мы** - одно из прагматически самых богатых личных местоимений. Следует сказать особо и о его «психологической» составляющей. Местоимение *мы* может нести в себе такие прагматические оттенки, как смущение, удивление, ирония:

*«Heißer stieg mir das Blut zum Herzen: nur ein Gedanke antwortete von innen, der Gedanke an Dich. »Aber **wir** bleiben doch hier?« konnte ich gerade noch stammeln. »Nein, **wir** ziehen nach Innsbruck, dort hat Ferdinand eine schöne Villa.« Mehr hörte ich nicht. Mir ward schwarz vor den Augen. Später wußte ich, daß ich in Ohnmacht gefallen war; ich sei, hörte ich die Mutter dem Stiefvater leise erzählen...“ [7, с.111].*

Например, здесь местоимение *мы* несет оттенок удивления. Автор хочет нам показать, как девочка ненавидит своего отчима, которого она никогда не причисляла к членам семьи.

Местоимение *мы* также может быть императивным, когда говорящий указывает на определенный способ выполнения действия и хочет, чтобы адресат поступал так же. Возьмем в качестве примера следующее высказывание:

*«Und Sie sind auch klug. **Wir** können nicht mehr weiter so zusammenverkehren ... es muß ein Ende gemacht werden ...»[8, с. 150]*

В данном примере мужчина намекает своей девушке Эрике, что им нужно расстаться. И местоимение *мы* смягчает приказной, категоричный тон высказывания.

«Эмоциональные всплески» приходятся и на предложения с местоимением *ты*:

*„Dann sagte ich: »**Der Mann, den ich liebte, ist auch immer weggereist.** «Ich sah Dich an, mitten in den Stern Deines Auges. »Jetzt, jetzt wird er mich erkennen!« zitterte, drängte alles in mir. Aber **Du** lächeltest mir entgegen und sagtest tröstend:*

»Man kommt ja wieder zurück.« »Ja,« antwortete ich, »man kommt zurück, aber dann hat man vergessen“ [7, с. 143].

Здесь мы наблюдаем также оттенок недоверия и разочарования. В данном примере мы видим: происходит замена существительного местоимением *ты*, содержащий в себе «яркую оценочную окраску» [23]. В таком случае оно скорее всего обращено к собеседнику и «поглощается» местоимением *ты*.

Особый интерес представляет дублирование значения лица. Так, местоимение *ты* может быть употреблено в повелительном наклонении. Но по правилам немецкого языка при личной глагольной форме местоимение *ты* вообще не употребляется: *nimm das Buch!* или *sag mir bitte!* и т. п. Если здесь личное местоимение все же употреблено, то это как раз является свидетельством дополнительной окраски. Говорящий придает своей просьбе или приказанию оттенок важности или он просто хочет переключиться на другую тему:

*«Weißt du ... ich wollte dir sagen ... Aber **sag du** mir zuerst, ist dir nicht etwas aufgefallen in den letzten Tagen an unserm Fräulein?» [7, с. 3]*

Или как в следующем примере:

*»**Du**,« sagt die eine, »hör zu!«*

»Ja« [7, с. 19].

Используя здесь местоимение *ты*, автор хочет показать всю серьезность разговора между старшей и младшей сестрой. Старшая сестра начинает свою просьбу с местоимения *ты*: она хочет привлечь внимание своей младшей сестры.

Кроме того, местоимение *ты* встречается и в лексических повторах:

*»Was hast **du** denn? ... **Du** scheinst mir so nervös ... und warum nimmst **du** denn den Hut nicht ab«, fragte ihr Mann» [6, с.17].*

В приведенном примере, местоимение *ты* используется много раз, чтобы можно было выразить внутреннее волнение, переживание. Мужчина заметил в своей жене что-то необычное, и поэтому он так взволнован и хочет знать, что произошло с его женой.

«Вежливое» местоимение *Вы* Стефан Цвейг иногда употребляет в своих произведениях для передачи холодности и отчужденности:

*«Haben **Sie** geglaubt, daß alle Leute blind sind, daß man so etwas nicht bemerkt? Ich kann mir denken, wie **Sie** Ihre Pflicht erfüllt haben mit solchen Gedanken und solcher Moral. Und so jemandem habe ich die Erziehung meiner Kinder anvertraut, meiner Töchter, die **Sie**, weiß Gott wie, vernachlässigt haben...»*[7, с.15]

Данный пример из новеллы “Гувернантка”, показывает отношение матери к гувернантке. Гувернантка беременна от нелюбящего ее мужчины, но женщина была не очень любезна и вежлива с гувернанткой своих детей и накричала на нее, не разобравшись в ситуации. Матери было все равно, она даже не пыталась просто посочувствовать своей работнице, которую бросил любимый мужчина. И местоимение, узуально предназначенное для выражения уважения, почтительности, здесь передает дистанцированность, пренебрежение.

В следующем примере говорящий выражает недовольство своим собеседником, используя вместо местоимения *ты* местоимение 3-го лица множественного числа *они*:

“Na, das nützt man halt aus, und da geht unsereins auch ein biss'l spazieren... ganz so wie sie, die anständigen Frauen“ [6, с. 33].

Или он может презирать его:

*„Mich haben **sie** beinahe krepieren lassen vor Hunger. Warum soll gerade ich Mitleid haben mit **einer so reichen Frau?**“* [6, с. 93]

Здесь «они», сказанное о присутствующей, воспринимается оскорбительно. Понятно, что здесь «они» употреблено сознательно – с целью увеличить дистанцию и спровоцировать конфликт. Женщина причисляет свою собеседницу ко всем остальным богатым женщинам, которым нет дела до бедных и страдающих от голода и нищеты людей.

Местоимение 3-го лица мн. числа *они*, – не просто множественный субъект, не участвующий в разговоре. Это слово также выполняет прагматическую функцию благодаря своей противопоставленности «я». «Я» и

«он и» в сознании современного человека – как бы два полюса, воплощающие в себе противостояние двух систем:

*«Nur einsame Kinder können ganz ihre Leidenschaft zusammenhalten: die anderen zerschwätzen ihr Gefühl in Geselligkeit, schleifen es ab in Vertraulichkeiten, **sie** haben von Liebe viel gehört und gelesen und wissen, daß **sie** ein gemeinsames Schicksal ist. **Sie spielen damit, wie mit einem Spielzeug, sie prahlen damit, wie Knaben mit ihrer ersten Zigarette. Aber ich, ich** hatte ja niemand, um mich anzuvertrauen, war von keinem belehrt und gewarnt...»*[7, с.107]

Итак, анализ корпуса фактического материала свидетельствует о том, что эмоционально-экспрессивная функция широко представлена в пространстве художественных произведений австрийского автора и реализуется в большинстве случаев личными местоимениями 2-го лица ед. ч. и 1-го лица ед. ч. В количественном отношении дисперсия личных местоимений в эмоционально-экспрессивной функции можно представить в виде следующей диаграммы (рис. 6):

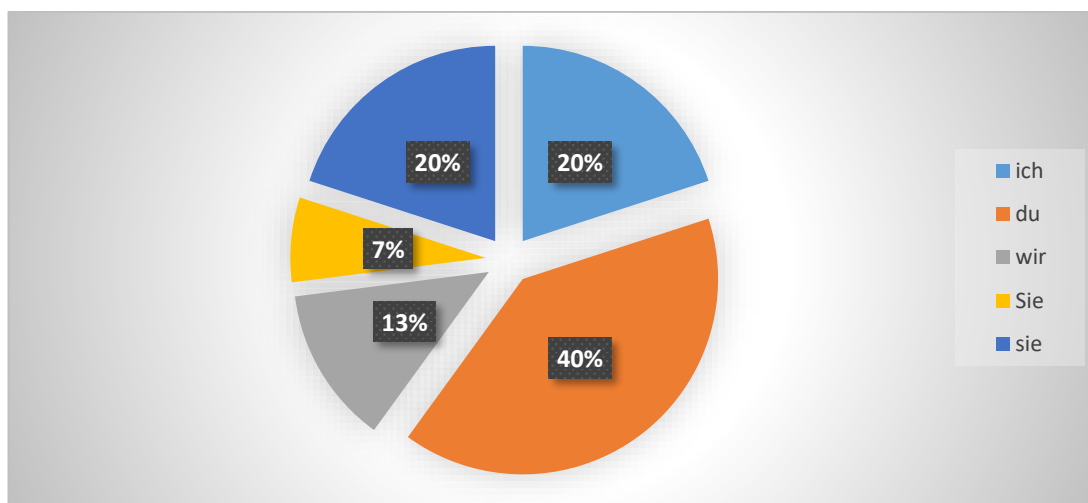

Рисунок 6. Иерархия личных местоимений в эмоционально-экспрессивной функции

Мы видим, что эмоционально-экспрессивная сфера очень значима для Стефана Цвейга. Писатель в очередной раз доказал, что не зря его называют "мастером психологической новеллы". Новеллы его проникнуты тонким

психологизмом. Герои в них изображаются не только с их мужеством, благородством, силой духа и разума, но и с их страхами, тайными желаниями и влечениями и даже подчас животными инстинктами, с которыми подчас герои не могут совладать.

Акцент в новеллах Цвейга переносится на внутренний мир человека, на эмоциональную сторону героя. Главной темой становится описание его страсти, чувств, эмоций. Поэтому преобладание эмоционально-экспрессивной функции закономерно.

4.1.2 Ролевая функция

Ролевая функция характерна для личных местоимений второго лица, а также для «вежливого» местоимения *Вы*, которые используются для обозначения ролевого статуса персонажа художественного произведения в проанализированных текстах, например:

*»Was ... was wollen **Sie** denn von mir? ... Ich kenne **Sie** ja gar nicht ... Ich muss fort...« [6, с.13]*

»Könnten Sie jetzt?« fragtest Du, ein wenig zögernd. »Ja,« sagte ich, »gehen wir.«[8].

В немецком языке местоимение *Sie* используется в речи, когда необходимо обратиться в вежливой форме к одному лицу или же к нескольким лицам [4]. Обычно данная форма используется при обращении к незнакомым людям или высокопоставленным особам.

Местоимение *Вы* означает соблюдение дистанции между собеседниками:

*»Nach Tisch sagt die Mutter leichthin zum Fräulein: »Bitte, kommen **Sie** dann in mein Zimmer. Ich habe mit **Ihnen** zu sprechen« [7, с. 14].*

Существуют некоторые различия употребления «ты» и «вы» при обращении к собеседнику. «Ты» символизирует демократичность, доверие, равенство собеседников, неформальное общение [5].

Местоимение *Вы* в свою очередь символизирует вежливость, любезность [5]:

»Haben **Sie** auch für mich einmal eine Stunde«, fragtest Du vertraulich – ich fühlte an der Sicherheit Deiner Art» [7, с. 140].

Местоимение 2-го лица множественного числа *вы* является также непростым с точки зрения прагматики. В первую очередь, оно используется говорящим, когда ему необходимо обратиться к слушателям во множественном числе без обязательности подчеркнуть вежливое обращение.

Точно также, как и местоимение *ты*, *вы* означает демократичность, доверие, дружелюбие. Примерами использования личного местоимения второго лица множественного числа в ролевой функции в пространстве художественного произведения могут выступать следующие:

«Kinder, ich habe heute Nachmittag zu tun. Nicht wahr, **ihr** bleibt allein, ich kann mich auf euch verlassen? Ich sehe dann abends nach euch» [7, с. 17].

«Was habt **ihr** denn?» - fragte ich [7, с. 20].

В приведенных выше примерах личные местоимения служат средствами указания на действующих лиц произведения, их ролевого статуса.

Таким образом, присутствие значительного количества диалогов в новеллах обуславливает значительное наличие ролевой функции в анализируемых произведениях.

Так, новелла «Гувернантка» в основном построена на диалогах, на диалогах между девочками, девочками и родителями, матерью и гувернанткой. Ролевая функция личных местоимений здесь явно проявляется при разговоре между матерью и гувернанткой, когда нужно показать дистанцию.

Рассмотрев примеры употребления личных местоимений в ролевой функции, мы можем сказать, что преобладающую часть в данной сфере занимает «вежливое» местоимение *Вы*. 33 % составляет местоимение *ты* и лишь 17% занимает местоимение 2-го лица мн. ч. в ролевой функции (см. рис. 7):

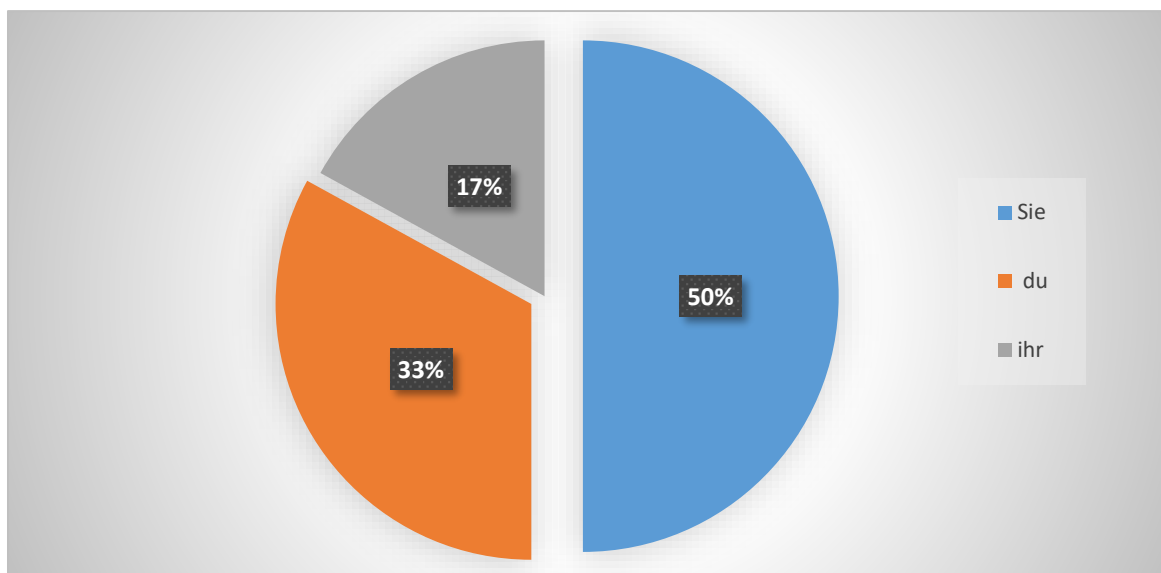

Рисунок 7. Иерархия личных местоимений в ролевой функции

4.1.3 Функция объективизации

Функция объективизации реализуется в пространстве художественного произведения местоимениями в том случае, «если говорящий хочет представить себя со стороны», то есть сделать объектом свое «я»:

«Aber ich, das dreizehnjährige Kind, ahnte das nicht: ich war wie in Feuer getaucht. Ich glaubte, die Zärtlichkeit gelte nur mir, nur mir allein, und in dieser einen Sekunde war die Frau in mir, der Halbwüchsigen, erwacht und war diese Frau Dir für immer verfallen» [7, с. 117].

Здесь представлен взгляд на самого себя извне и ситуация описывается одновременно с нескольких точек зрения. Так, с одной стороны, у нас есть тринадцатилетний ребенок (взгляд извне), а с другой стороны я (автопредставление).

Если говорящий хочет сделать объектом свое «я», то возникают также замены местоимения 1-го лица целым предложением или существительным. Так, в новелле «Письмо незнакомки» женщина подписывает свое письмо таким предложением: „Dir, der Du mich nie gekannt“ [7, с. 96-97]. Незнакомка стремится понять своего возлюбленного, оценить всю ситуацию «его глазами». Это шаг навстречу собеседнику в пояснении происходящего. Незнакомка

считала, что заканчивать письмо личным местоимением я или своим именем было бы бессмысленным, ее возлюбленный все равно бы ее не узнал. И здесь она была права.

Также хотелось бы обратить внимание на такое явление, как «контекстуальная замена местоимения 2-го лица ед. ч. **ты** местоимением 3-го лица ед.ч. **он** . Говорящий прибегает к такому приему, чтобы «объективизировать» свое мнение. В таком случае речь уже идет как бы не о собеседнике, а о ком-то третьем лице, и оценка его действий дается как бы со стороны» [23]. Например, в новелле «Письмо незнакомки», женщина пишет письмо своему возлюбленному и при обращении к нему иногда использует не местоимение *ты*, а местоимение *он* :

*«Verstehst Du nun schon, Geliebter, was für ein Wunder, was für eine verlockende Rätselhaftigkeit Du für mich, das Kind, sein mußt! Einen Menschen, vor demman Ehrfurcht hatte, weil **er** Bücher schrieb, weil **er** berühmt war in jener anderen großen Welt, plötzlich als einen jungen, eleganten, knabenhaft heiteren, fünfundzwanzigjährigen Mann zu entdecken! Muß ich **Dir** noch sagen, daß von diesem Tage an in unserem Hause, in meiner ganzen armen Kinderwelt mich nichts interessierte als **Du**...»* [7, с. 104].

В данном примере, незнакомка в письме, обращаясь к своему возлюбленному, использует местоимение *он* вместо *ты*, выводя его как бы за пределы диалога.

Так, говорящий из субъектов речевого акта может становиться его объектом. В следующем примере, который мы взяли из новеллы «Письмо незнакомки» ситуация описывается также как будто «сверху»:

*«... die ich Dir tags vorher zu Deinem Geburtstag geschickt als Erinnerung an eine, an die Du Dich doch nicht erinnerstest, die Du doch nicht erkanntest, selbst jetzt, da **sie** Dir nahe war, Hand in Hand und Lippe an Lippe»* [7, с.141-142].

Или как в следующем примере, взятом из новеллы «Любовь Эрики Эвальд»:

«Sie sah hinüber, um seinen Gesichtsausdruck zu betrachten. Wollte er sie verspotten?» [8].

Незнакомка здесь уже не субъект речи. Она говорит о себе как о какой-то чужой женщине и все высказывание здесь обобщает и объективизирует ситуацию.

Мы видим (см. рисунок 8), что в функции объективизации наиболее употребительны местоимение я (60%) и местоимение 3-го лица ед. ч. (40%):

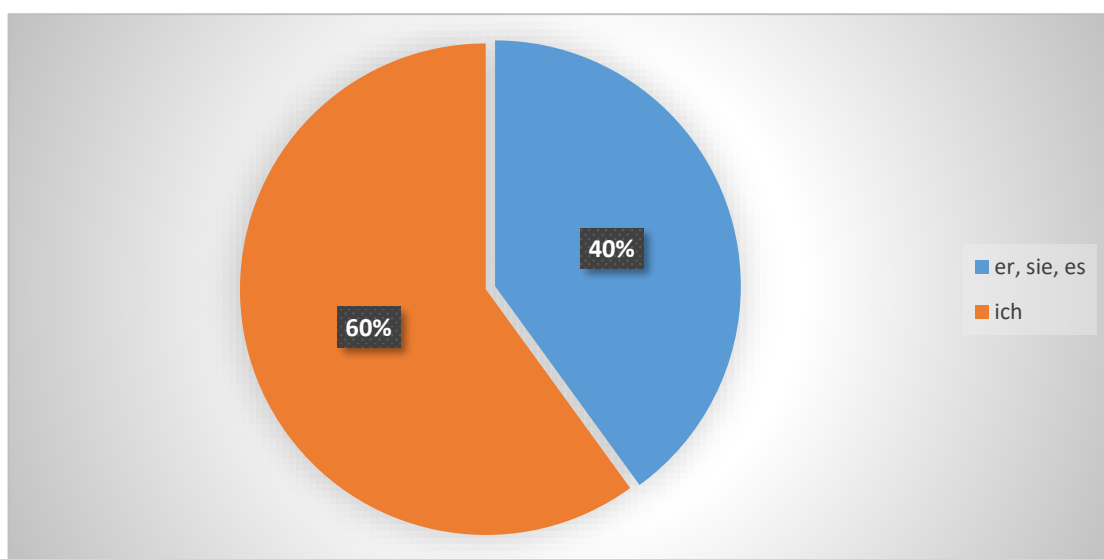

Рисунок 8. Иерархия личных местоимений в функции объективизации

4.1.4 Функция отождествления

Личные местоимения в функции отождествления выступают в 10% случаев. Данная функция реализуется тогда, когда автор или главный герой причисляет себя к определенной группе.

Иногда автор или главный герой оценивает в произведениях своё место в мире.

В следующем примере местоимение я выполняет функцию отождествления: я героя-повествователя приравнивается к другим мужчинам.

Таким образом, местоимение *я* может указывать на отношение к определённой группе. В данном случае, на принадлежность к этой группе:

*«Ich bin kein großer Mensch, ich bin keiner von denen, die ... die über dem Leben stehen in ihrer sicheren Selbstgenügsamkeit. Ich wollte, ich wäre so, aber ich bin es nicht. Ich klebe am Leben, **ich bin nicht eben viel mehr als einer**, der das begehrt, was er liebt. Ich bin nur so, wie alle Männer sind, ich verehere nicht nur die Frau, wenn ich sie liebe, ich ... verlange sie auch ...»[8]*

Примерами употребления личного местоимения *мы* в функции отождествления могут выступать следующие:

*«Das ganze Haus haßte mit einem gemeinsamen Instinkt diese Menschen, und als plötzlich einmal etwas geschehen war – ich glaube, der Mann wurde wegen eines Diebstahls eingesperrt – und sie mit ihrem Kram ausziehen mußten, atmeten **wir** alle auf» [7].*

В инклюзивном значении *мы* указывает на принадлежность говорящего к определенной группе людей, объединенных общими интересами или сферой деятельности. Так, мы видим в данном примере, что местоимение *мы* играет здесь роль общности, сплочённости. Все жители этого дома имели одну единственную цель: поскорее бы избавиться от этих отвратительных и сварливых людей.

Местоимение *мы* может содержать в себе и «презумпцию включенности в коллектив» [23]. Это значит, что говорящий относится к определённой группе людей. Он является частицей этой группы:

*»Ich hab es auch zuerst geglaubt, **wir Mädchen** sind ja immer so dumm. Aber ich habe noch rechtzeitig bemerkt, daß er uns nur als Vorwand nimmt« [7].*

Здесь девочка отождествляет себя с остальными девочками и причисляет себя к другим «глупым» девочкам. Также автор использует в данном примере вместе с местоимением *мы* приложение «девочки», что еще более точно определяет статус субъекта речи в обществе.

И приведем еще один пример:

«Wenn **wir** ins Zimmer kommen, hören sie immer auf zu sprechen und reden dummes Zeug mit uns, als ob **wir** Kinder wären, und ich bin doch schon dreizehn Jahre. Wozu willst du sie fragen, uns sagt man ja doch nur Lügen» [7].

В этом примере девочки причисляют себя к определенной группе людей, но в этот раз уже к детям. Приложение «дети» здесь также определяет статус говорящего в обществе.

Рассмотрев данную функцию и примеры употребления личных местоимений, можно заключить, что значительную часть местоимений в функции отождествления занимают местоимения 1-го лица ед. и мн.ч. (см. рисунок 9):

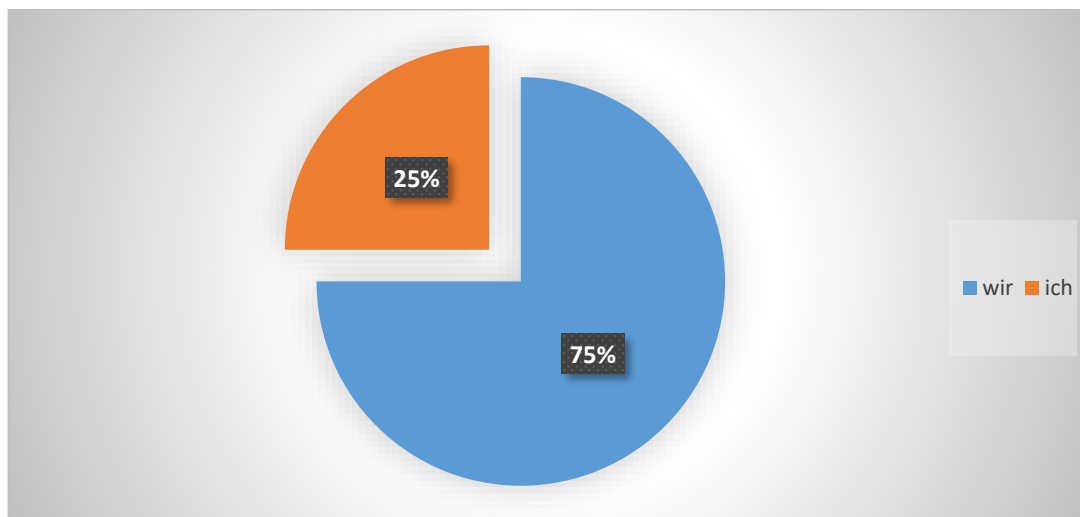

Рисунок 9. Иерархия личных местоимений в функции отождествления

Незначительное количество реализаций местоимений в функции объективизации и отождествления обусловлено тем, что данные функции характерны не для всех личных местоимений и являются специфическими. Например, функцию объективизации выполняют только личные местоимения 3-го и 1-го ед. ч., а функция отождествления в основном характерна только для местоимения *мы*.

В каждой из этих коммуникативно-прагматических функций была определена частотность употребления личных местоимений (см. рисунок 10):

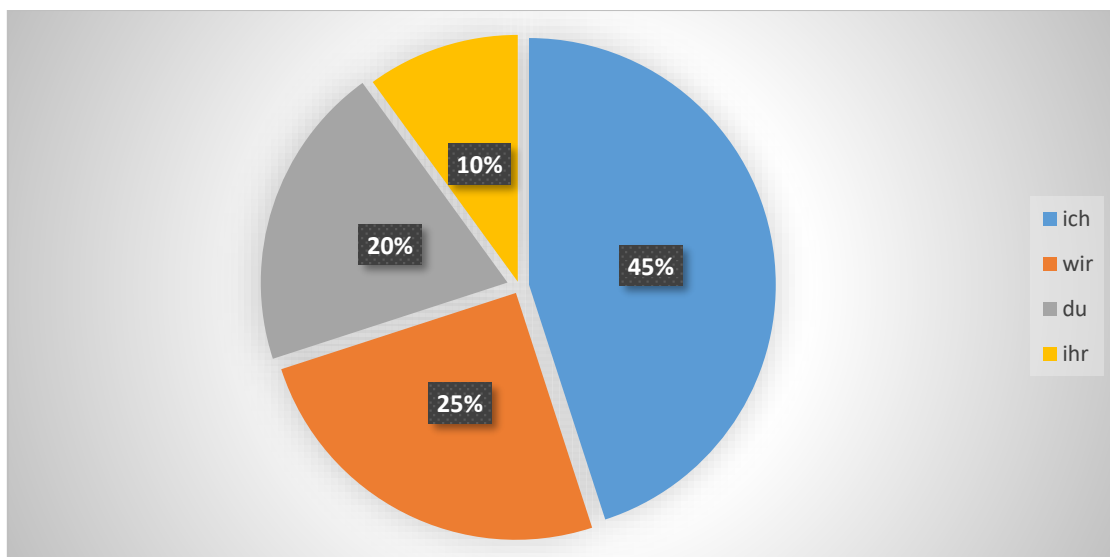

Рисунок 10. Частотность употребления личных местоимений в каждой функции

На первом месте по частоте употребления — местоимение *я* (45%). Оно наиболее распространено в функции объективизации (60%), отождествления (21%), а также в эмоционально-экспрессивной функции (19%). Местоимение *мы* (25%), основные функции которого — функция отождествления (75%) и эмоционально-экспрессивная функция (13%) — находится на втором месте по частоте употребления (25%). Далее идет местоимение *ты* (20%). Основные его функции — это эмоционально-экспрессивная (40%) и ролевая функции (33%). Наименее употребительно личное местоимение 2-го лица мн. ч. *вы* (10%). Его единственной прагматической функцией является ролевая функция.

Таким образом, рассмотренные нами местоимения играют в новеллах Стефана Цвейга важную роль. Они активно функционируют в дискурсе произведений не только как грамматически важная часть речи, но и как средства художественной выразительности. Стефан Цвейг, употребляя личные местоимения, хочет показать тот момент в литературе, когда социальные перемены меняют статус человека в обществе и воздействуют на лингвокультурное пространство, в котором понятия личность и индивидуальность занимают центральное место.

4.1 Многофункциональность личных местоимений в новеллах С. Цвейга

Личные местоимения многофункциональны. Нельзя говорить, что, выполняя ролевую функцию личные местоимения не могут выполнять при этом и эмоционально-экспрессивную функцию. Все коммуникативно-прагматические функции тесно связаны между собой и личные местоимения, выполняя данные функции, могут выполнять сразу несколько функций одновременно. Так, в следующем примере местоимение *Вы* употребляется как для показа ролевого статуса, так и для передачи холодности:

»Und wann könnten wir uns sehen?« fragtest Du. »Wann immer Sie wollen«, antwortete ich...» [8].

«Haben Sie geglaubt, daß alle Leute blind sind, daß man so etwas nicht bemerkt? Ich kann mir denken, wie Sie Ihre Pflicht erfüllt haben mit solchen Gedanken und solcher Moral. Und so jemandem habe ich die Erziehung meiner Kinder anvertraut, meiner Töchter, die Sie, weiß Gott wie, vernachlässigt haben ...» [7, с.15]

«Mir ist so, als wollten Sie mir etwas verschweigen. Was ist Ihnen?» [8]

В следующем примере местоимение 3-го лица ед.ч. **он** первостепенно выполняет функцию объективизации:

«Einen Menschen, vor demman Ehrfurcht hatte, weil er Bücher schrieb, weil er berühmt war in jener anderen großen Welt, plötzlich als einen jungen, eleganten, knabenhaft heiteren, fünfundzwanzigjährigen Mann zu entdecken! Muß ich Dir noch sagen, daß von diesem Tage an in unserem Hause, in meiner ganzen armen Kinderwelt mich nichts interessierte als Du...» [7, с. 104].

Здесь речь идет как будто не о собеседнике, а о каком-то третьем лице, и оценка его действий дается как будто со стороны. В данном примере из новеллы «Письмо незнакомки» женщина пишет письмо своему возлюбленному и при обращении к нему иногда использует не местоимение *ты*, а местоимение *он*, словно выводя его за пределы диалога. Местоимение *он* используется в качестве лексического повтора, что служит также для создания экспрессии, передачи состояния внутреннего напряжения главной героини. Поэтому

можно смело говорить о наличии эмоционально-экспрессивной функции данного местоимения в приведенном примере.

Приведём еще один пример, где функция объективизации тесно связана с эмоционально-экспрессивной функцией:

«Sie sah hinüber, um seinen Gesichtsausdruck zu betrachten. Wollte er sie verspotten?» [8].

Здесь Эрика говорит о себе также как о третьем лице. И при этом мы видим здесь оттенок сострадания к самой себе.

Основной функцией местоимения *мы* в следующем примере является – функция отождествления:

*«...ich glaube, der Mann wurde wegen eines Diebstahls eingesperrt – und sie mit ihrem Kram ausziehen mußten, atmeten **wir alle** auf» [7].*

Здесь *мы* отождествляется со всеми живущими в одном доме людьми. Героиня причисляет себя к другим, «страдающим» от шумного мужчины, соседям. Данное местоимение – одно из эмоционально богатых личных местоимений. Нужно отметить его «психологическую» составляющую. Местоимение *мы* может нести в себе также прагматический оттенок сострадания, сопереживания. Что мы и видим в вышеприведенном примере. Поэтому, эмоционально-экспрессивную функцию местоимение *мы* здесь также выполняет.

В следующем примере местоимение *я* выполняет тоже функцию отождествления. *Я* героини-повествователя отождествляется с запуганным ребенком. Таким образом, местоимение *я* указывает на отношение к такой группе людей:

*«Ich erzähle Dir all das, Du Geliebter, all diese kleinen, fast lächerlichen Dinge, damit Du verstehst, wie Du von Anfang an schon eine solche Macht gewinnen konntest über das **scheue, verschüchterte Kind**, das **ich** war....» [7].*

Но функция отождествления не является здесь основной. Эмоционально-экспрессивная функция также является характерной для данного местоимения. Употребление личного местоимения *я* является сильным источником

экспрессии. Женщина сравнивает себя с застенчивым, запуганным ребенком, вызывая у мужчины сострадание к ней. Это помогает нам понять, что, как и сейчас, тогда она тоже была беззащитной и уже безгранично влюбленной в нового соседа.

Здесь мы также можем наблюдать и функцию объективизации. Незнакомка как бы представляет себя со стороны, делает объектом свое «я». С одной стороны, у нас есть «застенчивый, запуганный ребенок» (взгляд извне), а с другой стороны я (автопредставление).

В следующем примере очевидна функция объективизации местоимения я, которое заменяется в ниже приведенном примере целым предложением. Женщина подписывает свое письмо предложением: „*Dir, der Du mich nie gekannt*“ [7, с. 96-97]. Незнакомка стремится понять своего возлюбленного, оценить всю ситуацию «его глазами». Мы можем утверждать, что функция отождествления здесь также присутствует. Девушка отождествляет никогда не знающего и не узнающего ее мужчину с любовью всей ее жизни, которому она пишет письмо и подписывает так, не просто указывая свое имя, а целым предложением.

И приведем еще один пример, где смело можно говорить про взаимосвязь прагматических функций:

«Aber glaube mir, niemand hat Dich so sklavisch, so hündisch, so hingebungsvoll geliebt als dieses Wesen, das ich war und das ich für Dich immer geblieben bin, denn nichts auf Erden gleicht der unbemerkten Liebe eines Kindes aus dem Dunkel, weil sie so hoffnungslos, so dienend, so unterwürfig» [7].

В этом примере знакомка сравнивает себя с «тем существом, которым она была и которым навсегда осталась для него». Она отождествляет себя с ребенком, с его потаённой любовью, такой непритязательной и беззаветной, и такой покорной. Поэтому функция отождествления здесь очевидна. Но лексический повтор местоимения я говорит об его эмоционально-экспрессивной функции, которое оно выполняет в данном примере. Здесь

повторслужит для создания экспрессии, передачи внутреннего напряжения главной героини, ее переживаний и волнения.

Проведенный анализ позволяет заключить, что личные местоимения полифункциональны (см. рис. 11).

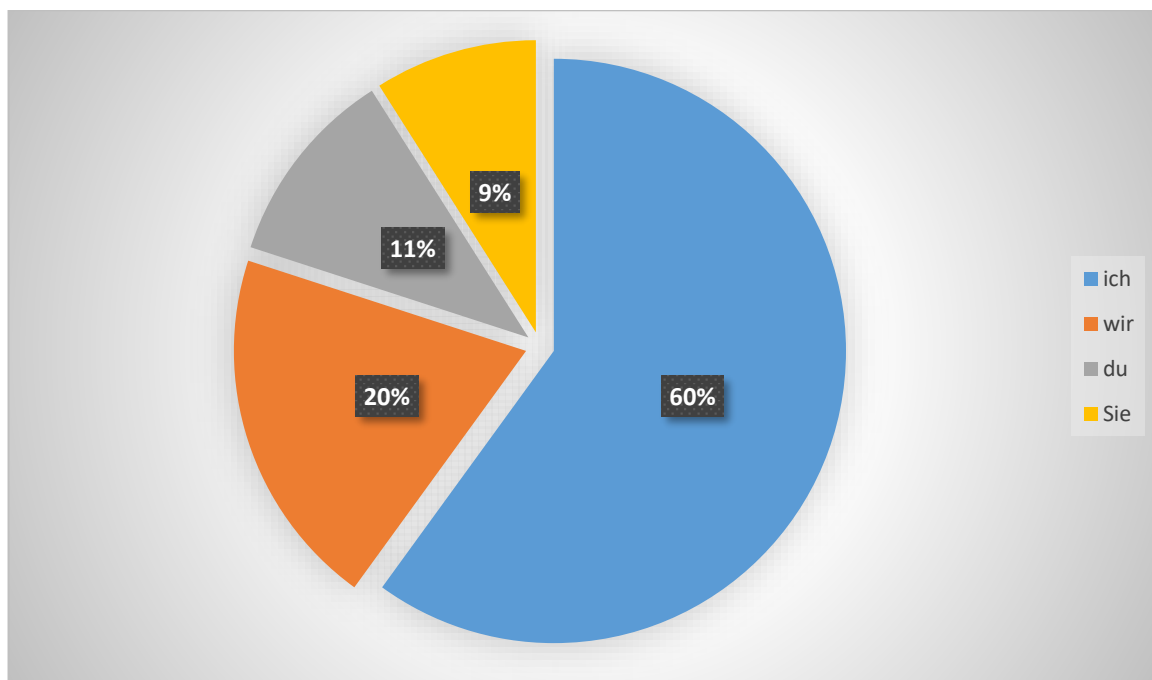

Рисунок 11. Полифункциональность личных местоимений

Как показано на диаграмме (рис. 11), больше всего функций выполняет местоимение *я* (60%). Оно является наиболее полифункциональным. Далее следует местоимение *мы* (20%). Прагматические функции данного местоимения нередко пересекаются в проанализированных произведениях. Далее следуют местоимения *ты* (11%) и *Вы* (9%). Можно смело говорить, что все коммуникативно-прагматические функции тесно связаны между собой и личные местоимения, выполняя данные функции, могут выполнять сразу несколько функций одновременно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучив научно-теоретическую литературу по выбранной теме и проанализировав употребление и функциональную специфику личных местоимений в немецкоязычном художественном тексте на примере произведений С. Цвейга, можно сделать следующие выводы:

Местоимения являются одной из наиболее распространенных частей речи. Они являются самостоятельной частью речи, которая указывает на предметы, признаки, количества, но не называет их. Слово «местоимение» означает – «вместо имени». Личные местоимения являются первой отправной точкой для проявления субъективности в языке. Они могут указывать как на участников диалога (*я, ты, мы, вы*), так и на лиц, не участвующих в беседе, и на предметы (*он, она, оно, они*).

В зависимости от контекста, местоимение может выполнять разные функции. Существуют различные подходы к определению функций личных местоимений. Исследователи выделяют общие и специфические, а также коммуникативно-прагматические функции. Семантика у местоимений отсутствует. Но такое неимение значения компенсируется различными прагматическими оттенками. Поэтому часто писатели употребляют местоимения в качестве источника речевой экспрессии, и в таких случаях они становятся лексическими средствами выразительности речи, выполняя тем самым прагматическую функцию.

Количественный анализ показал, что в новеллах Стефана Цвейга в целом наиболее употребительными являются личные местоимения 1 и 3 лица единственного числа. Количество употребленных местоимений зависит от каждого отдельно взятого произведения, его сюжета и целей автора в повествовании. Повествование от 1-го лица, его концентрация вокруг говорящего и его собеседника значительно увеличивают долю местоимений 1-го и 2-го лица в тексте.

В практической части данного исследования мы рассмотрели функциональную специфику личных местоимений, основываясь на классификации Б. Ю. Нормана. Предпринятый анализ позволил выделить следующие основные прагматические функции, реализуемые личными местоимениями в художественном тексте: эмоционально-экспрессивная функция, ролевая функция, функция отождествления, функция объективизации. Количественный анализ корпуса фактического материала свидетельствует о доминировании местоимений в эмоционально-экспрессивной функции, что составило 53% от общего количества проанализированных контекстов. Второй по частотности группой в проанализированной выборке оказалась группа местоимений, реализующих ролевую функцию (26%). Группа местоимений в функции объективизации составила 11%. Местоимения в функции отождествления выступают в 10% случаев.

В каждой из этих коммуникативно-прагматических функций была определена частотность употребления личных местоимений. На первом месте по частоте употребления — местоимение *я* (45%). Оно наиболее распространено в функции объективизации (60%), отождествления (21%), а также в эмоционально-экспрессивной функции (19%). Местоимение *мы* (25%), основные функции которого — функция отождествления (75%) и эмоционально-экспрессивная функция (13%) — находится на втором месте по частоте употребления (25%). Далее идет местоимение *ты* (20%). Основные его функции — это эмоционально-экспрессивная (40%) и ролевая функции (33%). Наименее употребительно личное местоимение 2-го лица мн. ч. *вы* (10%). Его единственной прагматической функцией является ролевая функция.

Все коммуникативно-прагматические функции тесно связаны между собой и личные местоимения, выполняя данные функции, могут выполнять сразу несколько функций одновременно.

Итак, местоимения играют в произведениях Стефана Цвейга важную роль. Они работают на раскрытие основной темы и идеи этих художественных произведений, а также активно функционируют в дискурсе произведений как

средства художественной выразительности в составе лексических и стилистических приёмов. Кроме этого, во всех случаях использования личных местоимений очевиден их потенциал с точки зрения значимой для Стефана Цвейга эмоционально-экспрессивной сферы.

Перспективой исследования видится дальнейшее рассмотрение особенностей функционирования личных местоимений в языке и речи, в частности выражения ими различных оттенков эмоций. Материалы и результаты исследования могут быть использованы в практическом изучении немецкого языка, а также в курсах грамматики, стилистики, прагматики перевода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Brinkmann, H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. – Düsseldorf, 1996. – 397 S.
2. Duden 4. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich 1995.
3. Harweg, R. Pronomina und Textkonstitution / R. Harweg. – München, Fink, 1999. – 392 S.
4. Snježana Kordić: Personal- und Reflexivpronomen als Träger von Personalität. In: Helmut Jachnow, Nina Mečkovskaja, Boris Norman, Bronislav Plotnikov (Hrsg.): Personalität und Person (=Slavistische Studienbücher). n.F., Bd.9. Harrassowitz, Wiesbaden 1999. – 146 S.
5. Winter, Werner (Hrsg.): Anredeverhalten. Tübingen 1984. – 150 S.
6. Zweig, Stefan: Angst. Novelle. Fischer Taschenbusch Verlag. 14. Auflage: Juli 2007. – 255 S.
7. Zweig, Stefan: Brief einer Unbekannten. Die Gouvernante. Auf Deutsch. – М.: Jupiter-Inter, 2008. – 135 S.
8. Zweig, Stefan: Novellen: Originallektüre auf Deutsch. Die Liebe der Erika Ewald. – СПб.: КАРО, 2007. – 541 S.
9. Антипина Е.С. Функции личных местоимений я и мы в дневниковом жанре / Е.С. Антипина [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.isuct.ru/epubl/gum/sites/ru.epubl.gum/files/2012/t03n03/humscienc_e_2012_t03n03_196.pdf – Дата доступа: 01.03.2018.
10. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 5-е изд. М.: Флинта, 2002. 384 с.
11. Бабаев, К.В. О происхождении личных местоимений в языках мира / К.В. Бабаев // Вопросы языкознания. – 2009. – № 4. – С. 119–138.
12. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: УРСС, 2002. – 448 с.
13. Берков, В.П. Современные германские языки / В.П. Берков. – М.: Астрель, 2001. – 332 с.

14. Болотская, М.П. О стилистическом аспекте изучения грамматических категорий // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2009. № 15. С. 25–29.
15. Волков, Н.Н. Семантика и дейктические функции личных местоимений в современном английском языке: Дис. . канд. филол. наук / Н.Н. Волков. – М., 1984. – 172 с.
16. Вольф, Е.М. Грамматика и семантика местоимений / Е.М. Вольф. – М. Флинта, 1994. – 223 с.
17. Гак, В.Г. Язык как форма самовыражения народа / В. Г. Гак // Язык как средство трансляции культуры / отв. ред. М. Б. Ешич. М., 2000. С. 54–68.
18. Гвоздев, А.Н. Местоимение / А.Н. Гвоздев // Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та. Филологические науки. Куйбышев: Куйбышевское книжк. изд-во. – 1955. – Вып.13.
19. Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык. Часть 1. – М.: Учпедгиз, 1961. – 406 с.
20. Генералова, А.П. Местоимения в системе частей речи современного немецкого языка: Автореф. дис. . . канд. фи-лол. наук. – М., 1970. – 20 с.
21. Коляда Н.А. Самоучитель немецкого языка/ Н. А. Коляда. – М.: Феликс, 2013. – 383 с.
22. Крылов, С.А. О семантике местоименных слов и выражений / С.А. Крылов // Русские местоимения: семантика и грамматика: Межвузовский сборник научных трудов. – Владимир: ВГПИ, 1989. – С. 5-12.
23. Норман, Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск, 2009. – 183 с.
24. Павский Г. Филологические явления над составом русского языка. - СПб., 1880. – 249 с.
25. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное. — М.: Едиториал УРСС, 2003. - 384 с.

26. Ремизова Е.А. Текстовые функции местоимений в современном английском языке: Дис...канд. фил. наук. – М., 1999. – 228 с.
27. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 536 с.
28. Советов, И.М. Личные местоимения в текстообразовании / И.М. Советов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2009. – Т. 15. – № 2. – 125–129 с.
29. Стеблин-Каменский, М.И. Спорное в языкознании / М.И. Стеблин-Каменский. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1974. – 142 с.
30. Степанова, М.Д. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке / М.Д. Степанова, Г. Хельбиг. – М.: Высш. школа, 1978. – 259 с.
31. Стернин, И.А. Эффективное речевое воздействие / И. А. Стернин // Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы. Воронеж, 2008. – 253–293 с.
32. Стренадюк, Е.Б. Проблема местоименности в тексте (на материале современного немецкого языка) / Е.Б. Стренадюк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/118658/readpart-problema-mestoimennosti-v-tekste-e-b-strenadyuk>. – Дата доступа: 01.03.2018
33. Чеснокова Л.Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора: Учеб. пособие для студентов-филологов. - М.: Высш. шк., 1991. – 67 с.
34. Шведова, Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. – М: Азбуковник, 1998. – 176 с.
35. Шведова, Н.Ю. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова. – (ред.). Т. 1. М.: Наука, 1980. – 157 с.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ

1. Чернобаева, Н. В. Функции личных местоимений в произведениях С. Цвейга / Н. В. Чернобаева // Мова і літаратура : матэрыялы 75-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. фак. БДУ, Мінск, 25 крас. 2018 г. / пад рэд. К. А. Тананушкі. – Мінск : РІВШ, 2018. – 166-169 с.

Приложение 1. Экспериментальные контексты

1. <i>Nein, ich irre mich nicht ... ich kenne Sie ... Sie kommen von Eduard, meinem Freund ... Jetzt habe ich Sie endlich einmal erwischt, jetzt weiß ich, warum er so wenig Zeit für mich in der letzten Zeit hat ... Wegen Ihnen also ... Sie gemeine...! [6, c. 12]</i>
2. <i>Was ... was wollen Sie denn von mir? ... Ich kenne Sie ja gar nicht ... Ich muss fort ... [6, c. 13]</i>
3. <i>Ich wage nicht hinzusehen, ich wage nicht mich zu rühren, denn wenn sie flackern, die Kerzen, huschen Schatten über sein Gesicht und den verschlossenen Mund, und es ist dann so, als regten sich seine Züge, und ich könnte meinen, er sei nicht tot, er würde wieder erwachen und mit seiner hellen Stimme etwas Kindlich-Zärtliches zu mir sagen [7, c. 97]</i>
4. <i>Aber ich weiß es, er ist tot, ich will nicht hinsehen mehr, um nicht noch einmal zu hoffen, nicht noch einmal enttäuscht zu sein. Ich weiß es, ich weiß es, mein Kind ist gestern gestorben – jetzt habe ich nur Dich mehr auf der Welt, nur Dich... [7, c.99]</i>
5. <i>Heißer stieg mir das Blut zum Herzen: nur ein Gedanke antwortete von innen, der Gedanke an Dich. »Aber wir bleiben doch hier?« konnte ich gerade noch stammeln. »Nein, wir ziehen nach Innsbruck, dort hat Ferdinand eine schöne Villa.« Mehr hörte ich nicht. Mir ward schwarz vor den Augen. Später wußte ich, daß ich in Ohnmacht gefallen war; ich sei, hörte ich die Mutter dem Stiefvater leise erzählen...“ [7, c. 111]</i>
6. <i>Und Sie sind auch klug. Wir können nicht mehr weiter so zusammenverkehren ... es muß ein Ende gemacht werden ..[8, c. 150]</i>
7. <i>Dann sagte ich: »Der Mann, den ich liebte, ist auch immer weggereist.« Ich sah Dich an, mitten in den Stern Deines Auges. »Jetzt, jetzt wird er mich erkennen!« zitterte, drängte alles in mir [7, c. 143]</i>
8. <i>Aber Du lächeltest mir entgegen und sagtest tröstend: »Man kommt ja wieder zurück.« »Ja,« antwortete ich, »man kommt zurück, aber dann hat man vergessen [7, c. 143].</i>
9. <i>Weißt du ... ich wollte dir sagen ... Aber sag du mir zuerst, ist dir nicht etwas aufgefallen in den letzten Tagen an unserm Fräulein? [7, c. 3]</i>
10. <i>»Du,« sagt die eine, »hör zu!«</i>
11. <i>»Ja« [7, c. 19]</i>
12. <i>Was hast du denn? ... Du scheinst mir so nervös ... und warum nimmst du denn den Hut nicht ab«, fragte ihr Mann [6, c. 17].</i>

13. <i>Haben Sie geglaubt, daß alle Leute blind sind, daß man so etwas nicht bemerkt? Ich kann mir denken, wie Sie Ihre Pflicht erfüllt haben mit solchen Gedanken und solcher Moral. Und so jemandem habe ich die Erziehung meiner Kinder anvertraut, meiner Töchter, die Sie, weiß Gott wie, vernachlässigt haben ...</i> [7, c. 15]
14. <i>Na, das nützt man halt aus, und da geht unsereins auch ein biss'l spazieren... ganz so wie sie, die anständigen Frauen</i> [6, c. 33]
15. <i>Mich haben sie beinahe krepieren lassen vor Hunger. Warum soll gerade ich Mitleid haben mit einer so reichen Frau...</i> [6, c. 93]
16. <i>Nur einsame Kinder können ganz ihre Leidenschaft zusammenhalten: die anderen zerschwätzen ihr Gefühl in Geselligkeit, schleifen es ab in Vertraulichkeiten, sie haben von Liebe viel gehört und gelesen und wissen, daß sie ein gemeinsames Schicksal ist. Sie spielen damit, wie mit einem Spielzeug, sie prahlen damit, wie Knaben mit ihrer ersten Zigarette. Aber ich, ich hatte ja niemand, um mich anzuvertrauen, war von keinem belehrt und gewarnt...</i> [7, c. 107]
17. <i>Ich kenne Sie ja gar nicht ... Ich muss fort...</i> [6, c. 13]
18. <i>Nach Tisch sagt die Mutter leichthin zum Fräulein: »Bitte, kommen Sie dann in mein Zimmer. Ich habe mit Ihnen zu sprechen</i> [7, c. 14].
19. <i>Haben Sie auch für mich einmal eine Stunde«, fragtest Du vertraulich – ich fühlte an der Sicherheit Deiner Art</i> [7, c. 140]
20. <i>Kinder, ich habe heute Nachmittag zu tun. Nicht wahr, ihr bleibt allein, ich kann mich auf euch verlassen? Ich sehe dann abends nach euch</i> [7, c.15].
21. <i>«Was habt ihr denn?»- fragte ich</i> [7, c. 20].
22. <i>Aber ich, das dreizehnjährige Kind, ahnte das nicht: ich war wie in Feuer getaucht. Ich glaubte, die Zärtlichkeit gelte nur mir, nur mir allein, und in dieser einen Sekunde war die Frau in mir, der Halbwüchsigen, erwacht und war diese Frau Dir für immer verfallen</i> [7, c. 117].
23. <i>Verstehst Du nun schon, Geliebter, was für ein Wunder, was für eine verlockende Rätselhaftigkeit Du für mich, das Kind, sein mußt! Einen Menschen, vor dem man Ehrfurcht hatte, weil er Bücher schrieb, weil er berühmt war in jener anderen großen Welt, plötzlich als einen jungen, eleganten, knabenhaft heiteren, fünfundzwanzigjährigen Mann zu entdecken! Muß ich Dir noch sagen, daß von diesem Tage an in unserem Hause, in meiner ganzen armen Kinderwelt mich nichts interessierte als Du...</i> [7, c. 104]
24. <i>...die ich Dir tags vorher zu Deinem Geburtstag geschickt als Erinnerung an eine, an die Du Dich doch nicht erinnerst, die Du doch nicht</i>

erkanntest, selbst jetzt, da sie Dir nahe war, Hand in Hand und Lippe an Lippe [7, c.141-142].
25. <i>Das ganze Haus haßte mit einem gemeinsamen Instinkt diese Menschen, und als plötzlich einmal etwas geschehen war – ich glaube, der Mann wurde wegen eines Diebstahls eingesperrt – und sie mit ihrem Kram ausziehen mußten, atmeten wir alle auf [7, c.123]</i>
26. <i>Ich bin kein großer Mensch, ich bin keiner von denen, die ... die über dem Leben stehen in ihrer sicheren Selbstgenügsamkeit. Ich wollte, ich wäre so, aber ich bin es nicht. Ich klebe am Leben, ich bin nicht eben viel mehr als einer, der das begehrt, was er liebt. Ich bin nur so, wie alle Männer sind, ich verehere nicht nur die Frau, wenn ich sie liebe, ich ... verlange sie auch ...[6, c. 157]</i>
27. <i>Ich hab es auch zuerst geglaubt, wir Mädchen sind ja immer so dumm. Aber ich habe noch rechtzeitig bemerkt, daß er uns nur als Vorwand nimmt [7, c. 131]</i>
28. <i>Wenn wir ins Zimmer kommen, hören sie immer auf zu sprechen und reden dummes Zeug mit uns, als ob wir Kinder wären, und ich bin doch schon dreizehn Jahre. Wozu willst du sie fragen, uns sagt man ja doch nur Lügen [7, c. 129].</i>
29. <i>Haben Sie geglaubt, daß alle Leute blind sind, daß man so etwas nicht bemerkt? Ich kann mir denken, wie Sie Ihre Pflicht erfüllt haben mit solchen Gedanken und solcher Moral. Und so jemandem habe ich die Erziehung meiner Kinder anvertraut, meiner Töchter, die Sie, weiß Gott wie, vernachlässigt haben ...[7, c.21]</i>
30. <i>...ich glaube, der Mann wurde wegen eines Diebstahls eingesperrt – und sie mit ihrem Kram ausziehen mußten, atmeten wir alle auf [7, c.137].</i>
31. <i>Ich erzähle Dir all das, Du Geliebter, all diese kleinen, fast lächerlichen Dinge, damit Du verstehst, wie Du von Anfang an schon eine solche Macht gewinnen konntest über das scheue, verschüchterte Kind, das ich war....[7]</i>
32. <i>Dir, der Du mich nie gekannt [7]</i>
33. <i>Aber glaube mir, niemand hat Dich so sklavisch, so hündisch, so hingebungsvoll geliebt als dieses Wesen, das ich war und das ich für Dich immer geblieben bin, denn nichts auf Erden gleicht der unbemerkten Liebe eines Kindes aus dem Dunkel, weil sie so hoffnungslos, so dienend, so unterwürfig [7, c. 97].</i>
34. <i>»Du!« sagt da eine Stimme. Es ist die Zwölfjährige, die leise, fast ängstlich, in das Dunkel hinfragt [7, c. 9].</i>

35. »Was ists?« antwortet vom anderen Bett die Schwester. Ein Jahr nur ist sie älter [7, c. 10].
36. »Du bist noch wach. Das ist gut. Ich ... ich möchte dir gern etwas erzählen ...« [7, c. 10]
37. »Ja, aber du darfst es niemandem sagen, wirklich niemandem, der Mama nicht und nicht deiner Freundin.« [7, c. 15].
38. »Weißt du was? Ich horche an der Tür, und du bleibst draußen im Gang und gibst mir ein Zeichen, wenn jemand kommt. So sind wir sicher« [7, c. 14]
39. Du weißt es ja, was ich dir zu sagen habe, an den Augen seh ich dirs an [8]
40. »Was glaubst du ... wenn ich sie einmal fragen würde ... ganz, ganz vorsichtig ...« [7, c. 6]
41. »Du bist verrückt!« [7, c.6]
42. So sehen sie also aus, diese verheirateten Damen, die nobeln, vornehmen Damen, wenn sie einem die Männer stehlen gehen....[6, c. 142]
43. So einer stehlen sie auch das Letzte, diese anständigen Frauen ...[6, c. 141-142]
44. Da ... da haben Sie ..., aber lassen Sie mich jetzt ... Ich komme nie mehr her ... ich schwöre es Ihnen [6]
45. Was hast du denn? ... Du scheinst mir so nervös ... und warum nimmst du denn den Hut nicht ab, fragte ihr Mann [6, c. 150].
46....die Du doch nicht erkanntest, selbst jetzt, da sie Dir nahe war, Hand in Hand und Lippe an Lippe. Aber doch: es tat mir wohl, daß Du die Blumen hegtest: so war doch ein Hauch meines Wesens, ein Atem meiner Liebe um Dich [7].
47. »Aber sie sind Dir vielleicht von einer Frau gegeben, von einer Frau, die Dich liebt?« sagte ich [7, c. 108].
48. »Vielleicht,« sagtest Du, »ich weiß es nicht. Sie sind mir gegeben und ich weiß nicht von wem; darum liebe ich sie so.« Ich sah Dich an. »Vielleicht sind sie auch von einer, die Du vergessen hast!« [7, c. 108-109]
49. Ich glaube, sie kümmert sich gar nicht mehr um uns, sie setzt sich immer abseits und spielt nicht mehr mit, so wie früher [7, c. 10].
50. »Nein, Kind, nein«, sagt sie. »Ihr gewiß nicht.« Und küßt sie sanft aus die Stirn [7, c. 12].

51. <i>Und ... mit Fremden will ich dich nicht betrügen. Ich will nicht, daß du mich verachtest. Du bist mir zu lieb dazu ...</i> [7, c. 90]
52. <i>Ich weiß nicht, ob du mich geliebt hast, ob du mich so geliebt hast, wie ich dich jetzt</i> [7, c. 92].
53. <i>Sie las die Worte so wie er sie zu sprechen pflegte, mit der weichen und musikalischen Betonung seiner Stimme...</i> [8]
54. <i>Und da wurde er zuerst auf sie aufmerksam, denn sie ging mit soviel Verständnis auf seine Intentionen ein, daß er sogleich die Feinheit und Innigkeit ihres Wesens ahnte</i> [8, c.167].
55. <i>Und er verstand ihre Bitte. Schweigend trat er zum Fenster hin und nahm seine Geige. Ganz leise begann sein Lied</i> [8, c.172].
56. <i>Er spielte das einsame Lied mit wundervoller Gewalt, er verlor sich selbst in seinen Tönen. Und er verlor sein Lied und behielt nur die unendlich sehnsüchtige fremde Volksmelodie...</i> [8, c. 175]
57. <i>Sie suchte der früheren Tage zu gedenken, die nie auch nur ein schwacher Hauch schwüler Sinnlichkeit durchzittert, sie suchte sich vorzulügen, daß diese Liebe schon längst tot und begraben sei, indem sie jenes Abends gedachte, da sie aus seinem Hause mit innerlichem Abscheu geflüchtet. Aber dann kamen Nächte...</i> [8]
58. <i>Sie fühlte nur das Verlangen in sich siegreich werden, daß sie ihn wieder sehen müsse, sei es auch nur von der Ferne, ganz von fern, ohne bemerkt zu werden, ohne daß auch eine Ahnung ihn überkommen könne, daß sie ihn sehe und ersehne...</i> [8, c.166]
59. <i>Sie wußte nicht, wohin sie ging, in ihren Füßen war bleierne Müdigkeit, aber auch eine irre Bewegung, die sie weiterstieß</i> [8, c. 174].
60. <i>Erst wie er sie höflich ansprach, fuhr sie jäh aus ihren Gedanken auf. Sie brauchte einige Momente, um die Situation, in der sie sich befand, erst recht zu erfassen und antwortete nicht</i> [8, c.167].
61. <i>daß die Liebe nicht mehr zu ihr kommen würde, und daß sie ihr nicht entgegengehen dürfe; die Bitterkeit des Entsagens nahte ihr zum letzten Male</i> [8].
62. <i>Und er spielte immer weiter, wie einem bestimmten Akkord zu, einer abschließenden Auflösung entgegen, die er nicht finden konnte</i> [8, c.188].
63. <i>Er kniete bei ihr nieder und suchte sie zu beruhigen. Er küßte ihr leise die Hand</i> [8].
64. <i>»Wie wir verabredet haben. Ich denke doch?«</i> [8, c. 148]
65. <i>Erika freute sich im Dahinschreiten, wie leicht und beseligt sie an seinem Arm ging</i> [8, c.183].

66. Sie schämte sich eigentlich, wie ungeschickt sie sich benahm einer naturgemäßen Verwechslung halber, aber sie wurde das peinliche Gefühl nicht mehr los [8, c. 184].
67. Sie spürte nur, daß wieder alles gut und froh sei, und das Blühen des Frühlings fühlte sie wieder und ihr eigenes tanzendes Herz [8, c. 190].
68. Und sie gingen den schönen Weg gegen die Stadt zu wieder zurück [8, c. 198].
69. »Erika, das war doch komisch, wie Sie der Wirt meine Braut nannte.« [8]
70. Sie fühlte, daß er ein Gespräch beginnen, erzwingen wollte. Sie hatte Furcht, eine dumme, sinnlose dunkle Angst. Sie gab keine Antwort [8].
71. »Nicht, das war doch komisch? Und wie Sie rot geworden sind!« [8, c. 196]
72. Sie sah hinüber, um seinen Gesichtsausdruck zu betrachten. Wollte er sie verspotten? [8, c. 196]
73. Jetzt fühlte sie erst, wie gezwungen er das gesagt hatte; wie um einen Anfang zu machen. Es war ihr so bange, und sie wußte nicht, warum. Aber etwas mußte sie sagen, er wartete ja darauf [8, c. 158].
74. Ich bin nun einmal so, daß ich Scherze nicht recht verstehen kann [8].
75. Und sie hatte plötzlich Angst vor ihrer Liebe, daß sie auch so schmerzhaft und verzehrend werden sollte wie jedes Glück, das ihr begegnet war... [8, c. 193]
76. »Mir ist so, als wollten Sie mir etwas verschweigen. Was ist Ihnen?« [8]
77. Erika erbebte. Sie hatte die Augen zu Boden gerichtet, aber sie spürte, daß er sie ansehe, tief, fragend, durchdringend. Sie dachte nun an das letzte Mal, wie sie bei ihm war und er sie geküßt hatte [8].
78. Sie fühlte, daß er weitersprechen würde und sehnte sich darnach und fürchtete sich doch. Sie wollte es nicht hören. Sie wollte die Felder sehen, ja, den Abend, den herrlichen Abend [8, c. 188].
79. Sie werden es verstehen, meine liebe, liebe Erika. Nur ein Künstler kann das verstehen, und Sie haben eine reiche, unendlich reiche Künstlerseele. Und Sie sind auch klug [8].
80. Sie wollte jetzt nichts hören, nichts verstehen. – Nein, sie wollte nicht ... Und angstvoll begann sie wieder die Wolken zu zählen ... [8, c. 196]
81. Sie wollte ablehnend sprechen, aber sie vermochte es nicht. Das sanfte »du« seiner Rede hatte sie eigentümlich überwältigt mit seiner liebevollen Innigkeit. Sie verspürte wieder, wie sie ihn liebte [8, c. 194].
82. Sie spürte Gesichter als verzerrte Fratzen vorbeigleiten, wie sie vorwärts lief und rang sich mühsam mit schon verdunkeltem Blick durch bis zu einem Automobil, das an der Ecke stand [6, c. 44].

83. »Zum Südbahnhof«, stieß sie dann hastig heraus und plötzlich vom Gedanken erfasst, die Person könnte ihr folgen, »rasch, rasch, fahren Sie schnell! [6, c. 47-48]«
84. »Ich war ... bei ... bei Ame'lie ..., sie musste da noch etwas besorgen ... und ich ging mit«[6, c. 48]
85. »Was ..., was wollen Sie denn schon wieder?« stammelte sie tödlich erschreckt [6, c. 55]
86. »Ich warte schon eine halbe Stunde hier auf Sie, Frau Wagner« [6, c. 56].
87. Und dann spielte er ihr vor – Chopin, die Ballade ohne Worte. Und dann die sanften lieben Worte, die er ihr sagte, die vielen lieben Worte! [6, c. 64]
88. Schon von Jugend auf, noch ein halbes Kind, war er zu sehr von Frauen als Künstler verhätschelt und verführt worden, um in einer vergeistigten Liebe Befriedigung zu finden; er empfand zu wenig feminin, zu wenig jünglinghaft...[8]
89. Sie erschrak beinahe, als er sie plötzlich mit einem Liebeswort ansprach, und sie erstaunte, daß sie die zärtlichen Minuten und ihr Versprechen beinahe vergessen hatte [8, c. 144].
90. Wir können nicht mehr weiter so zusammen verkehren ... es muß ein Ende gemacht werden ..[8, 144-145].
91. Noch nie war er ihr so fremd und so ferne gewesen wie in diesem Augenblick [8].
92. Es sollte alles anders kommen, als es Erika geträumt [8, c. 149].
93. Ich weiß nicht, ob du mich so kennst. Ich glaube nicht, ich meine immer, daß du mich überschätzt [8].
94. Ich weiß nicht, ob du mich geliebt hast, ob du mich so geliebt hast, wie ich dich jetzt [7].
95. Ich habe niemanden auf der Welt als dich. Und dich will ich glücklich machen [7].
96. Aber Du sollst mein Geheimnis nur kennen, wenn ich tot bin, wenn Du mir nicht mehr Antwort geben mußt, wenn das, was mir die Glieder...[7, c. 67]
97. Aber ich will alle Kraft zusammentun, um einmal, nur dieses eine Mal zu Dir zu sprechen, Du mein Geliebter, der Du mich nie erkannt [7, c. 70].
98. Magere Kind – wir waren ja ganz still, gleichsam hinabgetaucht in unsere kleinbürgerliche Dürftigkeit – Du hast vielleicht nie unseren Namen gehört...[7, c. 78]
99. oft wachten wir auf in der Nacht vom Getöse fallender Stühle und zerkirrter Teller, einmal lief sie...[7, c. 80].

100.... <i>Sonderbarkeit und Geheimnis – wir alle in dem kleinen Vorstadthaus (Menschen, die ein enges Leben haben, sind ja immer neugierig auf alles Neue vor ihren Türen) warteten schon ungeduldig auf Deinen Einzug [7, c. 63].</i>
101. <i>Ich hatte mit einer Schulfreundin einen Spaziergang gemacht, wir standen plaudernd vor dem Tor [7, c. 64].</i>
102.... <i>da sollten wir noch eine Nacht schlafen, die letzte, und morgen nach Innsbruck reisen [7, c. 112].</i>
103. <i>Sie werden mich trösten und mir irgendwelche Worte sagen, Worte, Worte; aber was können sie mir helfen? [8, c. 194]</i>
104. <i>Alle waren sie gut zu mir, die ich kannte, alle haben sie mich verwöhnt, alle achteten sie mich [7, c. 87].</i>
105. <i>Und diese Stunde, sie ist wirklich gekommen. Aber Du weißt sie nicht, Du ahnst sie nicht, mein Geliebter! [7, c. 59]</i>
106. <i>»Und wann könnten wir uns sehen?« fragtest Du. »Wann immer Sie wollen«, antwortete ich...[7, c. 63].</i>
107. <i>»Könnten Sie jetzt?« fragtest Du, ein wenig zögernd. »Ja,« sagte ich, »gehen wir« [7, c. 64]</i>
108. <i>»Er hat sich nur so gestellt, der Schuft. Er verstellt sich immer« [7, c. 78]</i>
109. <i>Jetzt habe ich Sie endlich einmal erwischt, jetzt weiß ich, warum er so wenig Zeit für mich in der letzten Zeit hat ... Wegen Ihnen also ... Sie gemeine ...! [6, c. 168]</i>
110. <i>Dieser Geliebte änderte bald gar nichts mehr am behaglichen Mechanismus ihrer Existenz, er wurde irgendein Zuwachs von temperiertem Glück....[6, c.139]</i>
111. <i>Ihr Geliebter bat sie in dringendsten Worten wenigstens um eine flüchtige Begegnung, damit er doch wenigstens seine Schuld aufklären könne, falls er sie durch irgendetwas unwissend verletzt haben sollte...[6, c. 142]</i>
112. <i>Sie musste ihn mahnen, die Stimme zu dämpfen, so heiß sprudelte er aus dem Tumult seiner inneren Erregtheit einen Wirbel von Fragen und Vorwürfen ihr entgegen [6, c. 144].</i>
113. <i>Aber dann ... was würde dann geschehen? Was würde er tun? Hier verloschen die Bilder plötzlich...[6, c. 149].</i>
114. <i>So durchfragte sie, da das Wort ihn nicht verriet, sein Gesicht, nun er in seinem Fauteuil saß, ein Buch lesend und scharf beleuchtet von der elektrischen Flamme [6, c. 152].</i>
115. <i>Verwundert hielt er inne: galt das ihm, galt das einem erträumten Menschen? Seine Neugier war plötzlich wach [7, c. 31].</i>

116. <i>Aber Du weißt sie nicht, Du ahnst sie nicht, mein Geliebter! [7, c. 56]</i>
117. <i>Als Du kamst, war ich dreizehn Jahre und wohnte im selben Hause, wo Du jetzt wohnst, in demselben Hause, wo Du diesen Brief...[7, c. 44]]</i>
118. <i>Ich erzähle Dir all das, Du Geliebter, all diese kleinen, fast lächerlichen Dinge, damit Du verstehst, wie Du von Anfang an [7, c. 35].</i>
119. <i>Lügen Sie nicht! Ich bin Ihnen ja nachgegangen bis an die Konditorei [8, c. 143].</i>
120. <i>Ich will nicht, daß du mich verachtest. Du bist mir zu lieb dazu ...[7, c. 83]</i>